

Татьяна Володина

моя
ВСЕЛЕННАЯ

повесть

Татьяна Володина

Моя вселенная

«ИД Человек слова»

2018

УДК 82-312.1
ББК 84

Володина Т.

Моя вселенная / Т. Володина — «ИД Человек слова», 2018

ISBN 978-5-9908571-1-7

«Я открыла глаза, когда самолет подлетал к Ницце и всех пассажиров попросили пристегнуться ремнями. В окно было видно море, береговая линия лазурного побережья юга Франции. Солнце, опередив нас, уже ушло на запад, и на Ниццу опустился теплый вечер позднего лета. У меня гулко забилося сердце. Получив письмо по электронной почте, я так и не поняла, будет ли Дэвид встречать меня в аэропорту или я должна взять такси и добираться сама. В письме был указан адрес виллы, и это сбивало меня с толку. Но в то же время в письме были слова: «Встреча в аэропорту. Сообщи мне дату прилета и номер рейса». Дэвид, как правило, не встречал меня, чтобы нас не увидели вместе. Исключением был только один раз, когда, встретив меня в аэропорту, он обозначил свое внимание ко мне...»

УДК 82-312.1

ББК 84

ISBN 978-5-9908571-1-7

© Володина Т., 2018
© ИД Человек слова, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	17
5	22
6	26
7	28
8	31
9	33
10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Володина

Моя вселенная

© Володина Т., 2018

* * *

Мужу, который научил меня любить

1

Я открыла глаза, когда самолет подлетал к Ницце и всех пассажиров попросили пристегнуться ремнями. В окно было видно море, береговая линия лазурного побережья юга Франции. Солнце, опередив нас, уже ушло на запад, и на Ниццу опустился теплый вечер позднего лета. У меня гулко забилося сердце. Получив письмо по электронной почте, я так и не поняла, будет ли Дэвид встречать меня в аэропорту или я должна взять такси и добираться сама. В письме был указан адрес виллы, и это сбивало меня с толку. Но в то же время в письме были слова: «Встреча в аэропорту. Сообщи мне дату прилета и номер рейса». Дэвид, как правило, не встречал меня, чтобы нас не увидели вместе. Исключением был только один раз, когда, встретив меня в аэропорту, он обозначил свое внимание ко мне.

Весь полет до Ниццы я думала, как могло так случиться в моей жизни, что сейчас я сижу в этом самолете и лечу к мужчине по первому его зову. И это я, всегда такая уверенная в себе, принципиальная во всех вопросах, касающихся моих отношений с мужчинами, коллегами и друзьями, которая шесть лет назад, поверив в любовь и верность, и в итоге потерпевшая сокрушительное поражение, мчусь за мгновениями счастья к тому единственному, который составляет смысл моей жизни. Какая она, моя жизнь, если весь ее смысл заключен в Дэвиде? Трудно сказать. Но от одной только мысли, что я могу лишиться его, у меня темнеет в глазах. Так какая она – моя жизнь? Я из тех, кто не учится на ошибках других, а предпочитает делать свои. Она меня пытается учить, бьет по моей бестолковой и упрямой головке, но я плохо учусь и постоянно получаю заслуженные неуды. Упрямство и гордыня до добра не доводят. Быть прилежной ученицей у меня не получается. Все свои отличные оценки я, по-видимому, уже получила в школе и университете, но, как показывает мой личный опыт, самые важные выставляет нам жизнь.

Закончив с отличием в университете факультет журналистики, я с успехом начала свою карьеру в модном литературном журнале. Да и в личной жизни складывалось все замечательно: я встретила того кого всем сердцем полюбила, кому доверяла и с кем не хотела расставаться. Мы уже жили вместе, и все считали нас отличной парой. Макс был нежным любовником и добрым другом. Мне все завидовали, а я была просто счастлива. Когда узнала о своей беременности, то ни секунды не сомневалась, что буду рожать. В этом меня поддержал и Макс.

Крушение моих надежд началось, как только я решила сделать ему сюрприз, за который жестоко поплатилась. Самоуверенность порождает неприятный, мягко говоря, результат. У меня же результат был сокрушающий, от которого я не могла оправиться несколько лет, пока в моей жизни не появился Дэвид.

А случилось все очень банально, и ничего нового и интересного для людей, не участвующих в тот момент в шоу моей семейной жизни, не было. Все как обычно, как случается у многих семейных пар. На эту тему пишутся книги, снимаются кинофильмы, сочиняются веселые и очень смешные анекдоты. Я тоже со всеми смеялась. Еще бы – потеха, да и только. Неожиданным, необычным и чем-то очень новым это бывает только для действующих лиц и исполнителей этого нелепого и изрядно потасканного шоу. Но не дай бог вам оказаться в таком положении с любой стороны. И по прошествии стольких лет мне рассказывать и вспоминать тот роковой день очень больно.

На две недели от редакции журнала я улетела в Нью-Йорк. Обычное для меня дело. Такие командировки у меня были часто. И когда я уже возвращалась домой, в аэропорту мне представился случай поменять ранее купленный билет на поздний рейс на рейс самолета, вылетающего на три часа раньше. Я не стала звонить и сообщать об этом Максиму, а решила к приходу жениха с работы приготовить ему праздничный ужин. «Сюрприз, дорогой!» А в результате моей неосмотрительности и самоуверенности получилось: «Сюрприз, дорогая». Его сюрприз

был явно круче. Он переиграл меня по всем статьям. Конечно, никаких игр не было. Это я так сказала, потому что после его «сюрприза» стала циничной и злой.

Так вот... Все случилось как в анекдоте. Но одно дело, когда ты слушаешь анекдот, и совсем все по-другому, когда ты в нем участвуешь. Не боюсь повториться, что это очень больно. Он оказался дома, и не один. Так бывает. Не нужно строить иллюзий и, чтобы не попасть в аналогичную ситуацию, лучше предварительно звонить и предупреждать о своем приезде, что я теперь всегда и делаю. Но весь ужас моего поступка заключался в том, что, обнаружив жениха в кульминационный момент со звуковым сопровождением завершения его оргазма с другой женщиной, явственно говорившего о полном его удовлетворении, и видя его потное возбужденное тело и испуганное лицо, я выскочила из дому и, сев в машину... О господи! Зачем я это сделала?! В таком неадекватном состоянии я перепутала педали, не справилась с управлением и врезалась в стену дома. В итоге попала в больницу и, что самое ужасное, потеряла нашего ребенка. Моего ребенка... Нашего? Нет, теперь он мой не родившийся ребенок. Это мое горе и мои слезы.

Сейчас я журналист, писатель, так обо мне говорят, и по совместительству сценарист. Правда, сценарий я написала только один, и именно он определил мою жизнь, которую я сейчас проживаю.

А началось все вполне невинно. После расставания с Максом моим спасением стала работа. Журнал оставался единственным прибежищем, в котором я могла дышать и чувствовать, что жива, но голова распухла от мыслей, и мне необходим был выход, чтобы она просто не треснула. Так я стала записывать свои мысли, и стало легче. Укрывшись за словами и строчками, я покидала окружающую меня реальность и пыталась жить в вымышленной. И выжила. Мои рассказы и романы напечатали, а один из них даже экранизировали. Все говорят, что это большой успех, но я пока его не чувствую.

Шесть лет назад я не собиралась быть писателем, это не входило в мои планы. Моя работа в издательстве мне нравилась. Популярность журнала позволяла много и интересно работать: писать обзоры о выставках, театральных постановках, брать интервью у интересных и талантливых людей. Мне нравилась моя жизнь, и еще, узнав, что беременна, я ждала маленького человечка, как ждут чуда. Я чувствовала себя наполненной счастьем, словно сосуд наполненный нектаром. Это удивительное ощущение. Случившееся со мной перевернуло мою жизнь. Сосуд с счастьем разбился, и я физически почувствовала, как все его содержимое вылилось и течет от меня, а я, как в страшном сне, стою, смотрю и ничего сделать не могу.

Долго я не могла простить себе – да и если честно, то и до сих пор не могу, – что из-за похоти Макса потеряла голову и убила своего ребенка. Да-да, убила. И никто меня не убедит, что это несчастный случай. Прежде чем впасть в истерику, я должна была, я просто обязана была подумать о нем, а все остальное: страсть, соблазн, похоть, секс, измена – все чепуха. Все это отговорки, и они не могут оправдать убийства зарождающейся жизни. Конечно, мы расстались. Простить предательство я не смогла. Мой жизненный опыт в один миг обогатился до таких размеров, что мне просто хотелось не быть... совсем пропасть из мира моего горя. Я превратилась в комок боли и, чтобы заглушить ее, в один из вечеров открыла ноутбук и на одном дыхании написала свою историю.

Конечно, я была не настолько наивна, чтобы надеяться вернуть ощущение полноты жизни, но это позволило мне задышать и обрести почву под ногами. Роман нашел своего читателя, и однажды из киностудии я получила предложение экранизировать его, а мне принять участие в написании сценария. О том, что история случилась лично со мной, я хранила молчание. Макс неоднократно пытался восстановить наши отношения. Через общих знакомых он просил меня о встрече. В своих письмах он пытался объяснить мне случившееся. Но и спустя три года я не смогла заставить себя с ним встретиться. Три года я отказывалась от любых ухаживаний и свиданий с представителями мужской половины человечества. Вместо того чтобы

жить полной жизнью – встречаться с друзьями, путешествовать по миру, или, наконец, просто прогуляться, – я тащилась домой и все дни проводила за письменным столом. Такая жизнь в то время меня вполне устраивала.

2

Но звонок из киностудии все изменил. Так три года назад я познакомилась с Джеком Уайтом, режиссером фильма, и с исполнителями главных ролей – звездой и красавцем Дэвидом Скоттом и миленькой Хэлли Смит, которая после этого фильма прочно вошла в перечень успешных и востребованных актрис. Актрису на роль меня (об этом никто не знал) искали долго, а вот Дэвид был вне конкуренции. Джек сразу же оговорил со мной кандидатуру Дэвида Скотта, и у меня никаких возражений не было. Мне он нравился как талантливый актер и не более. Фанаткой каких-либо актеров и актрис я не была. Пусть будет Скотт, решила я, режиссеру виднее. В киноиндустрии я ничего не понимала и поэтому больше помалкивала. Дэвид Скотт снимался в то время в другом фильме, и Джек объявил, что будет его ждать.

Идея попробовать Хэлли Смит на роль «меня» принадлежала Дэвиду. Она всем понравилась и, пройдя кастинг, Хэлли была утверждена на роль. А мне, честно, было все равно. Хэлли? Пусть будет Хэлли. Так Дэвид выбрал такую «меня», которая совсем не была похожа на меня. Я – брюнетка ростом выше среднего, худая, с синими глазами и короткой стрижкой (после расставания с Максом я отрезала длинные волосы), а мисс Хэлли Смит – миленькая блондинка ниже меня ростом с темными глазами и восхитительной фигурой. Этакая соблазнительная и сексуальная блондинка с пухлыми губками. В любое время, какая бы мода ни была, мужчинам (настоящим) всегда нравится такой тип женщин. Это у них заложено природой в мозг, и поэтому глаза, как под гипнозом замечают в толпе именно такую блондинку. В данном случае я говорю не о любви, а об их предпочтении. . . Я не стала утверждать и настаивать, что моя героиня совсем не такая, а вот та, с которой герой ей изменяет, возможно, и такая. В этом и была вся проблема. Как писал мне Макс, у них был просто секс, а соблазнился он ее формами: «Дорогая, прости. Она для меня ничего не значит. Это получилось случайно. Просто секс. Ты должна мне поверить. Люблю я только тебя». По-видимому, словами «люблю только тебя» я должна была утешиться и простить его, но мне их не хватило.

Удивительно, как у мужчин все хорошо сочетается? Любит он только тебя, одну единственную на всем белом свете, а спать хочет со всеми женщинами с соблазнительными формами, которые привлекли его внимание. И при этом мы, женщины, должны утешаться тем, что так природа их создала. Удобная позиция. Но это действительно так, и с природой не очень поспоришь. Но есть и другой аргумент. А «случайно» – это даже тогда, когда сексуальный объект он сажает в свою машину, привозит в ваш дом, открывает ключом дверь вашей квартиры и укладывает его в вашу постель? И это все случайно, а вам клянется, что любит вас, и только вас, и думает о вас каждую минуту, по-видимому, за исключением той, когда в вашей постели ее, простите, трахает. Не люблю это новомодное словечко, но в данном случае оно точно определяет этот процесс.

Когда Джек подвел Дэвида ко мне, чтобы нас познакомить, я удивленно на него уставилась: не ожидала, что он настолько красив и молодо выглядит в жизни – высокий, стройный, со светло-русыми волосами и дивными большими зелеными глазами. Его длинные, удивительно прямые и густые ресницы отбрасывали тень на лицо, отчего взгляд казался необыкновенно таинственным и сексуальным. Снисходительная улыбка ярких и сексуальных губ блуждала на его лице, и он показался мне очень раскованным. При виде его у меня гулко застучало сердце, во рту стало сухо, и я с трудом сглотнула, а потом почувствовала, как внутри все сжалось от страха. Его красота поразила меня, а уверенность, которая читалась в этих роскошных глазах, испугала меня. Руки опустились, и цветы, преподнесенные Джеком, упали на пол. На мгновение у меня закружилась голова. Я как сейчас вижу Дэвида, поднимающего цветы, его нежную улыбку и ямочки на щеках.

– Джек, – обратился он тогда к рядом стоящему Джеку. – Ты говорил, что наш автор молода и хороша, но чтобы настолько молода и дивно хороша, я и подумать не мог.

Проговорил он это чувственным баритоном. Его голос звучал нежно, как музыка.

Я понимала, что для него это одна из дежурных фраз. Он всем своим естеством говорил всему миру, что мил, добр и способен на дружбу – и не более того. Меня это устраивало, и я расслабилась, выдавив из себя подобие улыбки. И потом, выбор партнерши явно говорил, что я не его тип. «Вот и отлично, – успокаивала я сама себя, – мне меньше достанется сюсюканья и его внимания».

Надо мной взяла шефство помощник режиссера Мэг – худая, высокая брюнетка с длинными волосами, которые она собирала в хвост. Я так никогда и не увидела ее с другой прической. У нее был резкий и громкий голос, и Дэвид всегда морщился, когда она делала объявления, но своего недовольства не высказывал. Мэг знала все, всех и обо всех. На следующий день после моего приезда и знакомства со съемочной группой я знала все о Дэвиде Скотте, Хэлли Смит и Джеке Уайте. О других членах съемочной группы предполагалось, что я услышу позднее. Я была благодарным слушателем – молчала как рыба, пила воду, закатывала глаза и стеснялась сказать, что она меня достала. По-видимому, у меня был до такой степени жалкий вид, что Мэг наконец сжалась надо мной, пообещав, что мы еще поболтаем, а сейчас мне следует отдохнуть... Оглушенная Мэг до бесчувственного состояния, я и предстала тогда перед Джеком и Дэвидом, о котором Мэг сказала, что он входит в число (я уже не помню в какое) самых сексуальных мужчин планеты. Правда, она не уточнила, кто этот список составил.

– Ты должен ей понравиться, иначе она отклонит твою кандидатуру, и роль ты не получишь, – зычно рассмеялся Джек, а я еще больше сжалась под взглядом Дэвида.

Наверное, предполагалось, что и я должна засмеяться, но я так и не нашла в себе сил, чтобы это сделать. Подобные наигранные сцены меня просто убивали, и поэтому я продолжала молча существовать на фоне цветущих кустарников и яркого солнца.

– Ты должен знать, это было ее главным условием, – поддразнивал того Джек, и ему явно доставляло удовольствие мое смущение.

Я была в замешательстве. Со стороны Джека было невежливо говорить обо мне в третьем лице в моем присутствии. Мне так и хотелось ему крикнуть: «Эй, вы не забыли, что я здесь?» Я вспыхнула и поняла, что начинаю краснеть, а это мне совсем не свойственно. В ту минуту я отдала бы Дэвиду номер «первый» в любом списке.

Дэвид внимательно и несколько смущенно посмотрел на меня, чтобы удостовериться, действительно ли я такая нахалка, как утверждает Джек, или он шутит. А возможно, он почувствовал, как бестактность Джека смутила меня. Я почему-то подумала, что он сейчас сам откажется от роли и со страхом в голосе пропищала:

– Все нет. Я признательна вам, что вы согласились... Вы самый красивый из всех моих знакомых мужчин, – ужаснувшись от произнесенной фразы, я решила продолжать говорить до полного своего провала. – И... и вы замечательный актер.

Дэвид склонил голову набок и внимательно стал разглядывать меня. Наверное, он только сейчас по-настоящему увидел меня. Дежурная сексуальная улыбка сползла с его лица, и это успокоило и воодушевило меня.

– Я признательна Джеку, что именно вас он пригласил на роль и не начинал съемки. Вам спасибо, что согласились сниматься в нашем фильме, но если вы откажетесь, я не буду в обиде.

Услышав то, что я произнесла, у Джека поползли брови вверх и открылся рот, но говорить он не стал, а только вздохнул. Дэвид с трудом сдержал смех, но смешинки в глазах выдавали его. «Будет знать, как не следует со мной разговаривать» – пронеслась в моей голове мысль и улетела прочь, а я от страха продолжала тарыхтеть:

– Мне раньше не доводилось писать сценарии, это мой первый опыт, – мне бы сейчас заткнуться, но, заметив, как Дэвид сощурился и заулыбался, дав понять, что разгадал мой

ход, я, как заведенная жалко пропищала. – Но подходит ли роль вам? Я и подумала, что вы, наверное, откажетесь от нее.

Не успела я договорить свой спич, как улыбку на лице Дэвида словно корова языком слизала.

– И не подумаю, – строго отрезал он, сверкнув на меня глазами. – Мне понравился материал, и я хочу изобразить того парня. Он интересен мне. Ваш первый опыт неплох. Мы потом вместе его доработаем во время съемок.

Затем он поклонился, развернулся и ушел. Джек растерянно извинился передо мной и потопал за Дэвидом, что-то бормоча себе под нос.

«Неплох?» «Вместе доработаем?» Он что, псих? Я ему не девочка. У меня перехватило дыхание. Я тут перед ним распинаюсь, абсолютно искренне пою дифирамбы тому и другому. На самом деле просто хотела сказать правду, а получилось неловко, и я почувствовала, как горячая волна пробежала по моему лицу. Дэвид потом мне рассказал, что вид у меня был обиженной девочки, которая вот-вот заплачет, отчего глаза превратились в два огромных озера. «Своей непосредственностью ты меня просто сразила, и от твоих глаз я чуть не задохнулся», – вспоминал потом Дэвид.

А потом... потом начались его придирки к сценарию. Это была пытка. Он требовал от Джека постоянно вызывать меня на съемки. Я упрячилась, но прилетала и начинала орать на них за то, что они перекраивают мой – я так и кричала: «Мой, мой» – сценарий. И потом я старалась меньше встречаться с Дэвидом. Он пугал меня своей уверенностью в суждениях и подчас ослиной упертостью, а если на съемочной площадке была неразбериха и бардак, как он говорил, или что-то было не по его – вспышками гнева и ярости. В этот момент укротить его могли только Джек или мое появление на площадке. Увидев меня, он словно сдувался, переставая орать, но продолжая пинать все, что попадало ему под ноги. Дэвид был не такой, как все, он был особенным во всем: красота, какой я не встречала раньше, заразительный смех и неумная ярость, вдумчивость и стремление доводить все до конца, страстность в работе и жизни, доброта и нежность к женщинам и в то же время категоричность своих суждений о них.

Однажды, разыскивая Джека, я наткнулась на него и Дэвида, сидящих под тентом и громко смеявшихся. Дэвид весело и громко доказывал Джеку, как притворны женские слезы:

– Ты понимаешь, – наклонившись к Джеку, говорил он безапелляционно веселым голосом. – Они слезы используют как средство заставить нас уступить им и исполнить их прихоть. Они плачут, чтобы добиться своего. Искренне они плачут крайне редко. Вот поэтому ее слезы меня просто бесят. Это все уловки и притворство.

Джек в ответ громко хохотал. Я же была шокирована словами Дэвида, поэтому не стала подходить к Джеку, развернулась и вернулась в отель. Услышанные тогда слова глубоко засели у меня в голове. «Под «они», – решила я, – нужно понимать «женщины вообще», а «ее» могло обозначать любую из знакомых ему женщин, скорее всего, его жену, или, возможно, даже меня». От этой мысли меня передернуло. В словах Дэвида было столько цинизма, что позднее, встречаясь с ним, у меня мурашки бежали по телу. «Ну, моих слез ты не увидишь», – решила я, но слов своих так и не сдержала.

А взгляд Дэвида я чувствовала постоянно, его близость меня пугала. Находясь под его постоянным наблюдением, я словно проснулась после трехлетнего сна и стала чувствовать все обостренно. Причиненная Максом боль еще жила во мне, и я изо всех сил пыталась закрыться от любых чувств. Но внимание Дэвида давило на меня. Он осторожно наблюдал за мной и никогда не приближался близко. Я чувствовала себя маленькой букашкой, которую внимательно и с наслаждением рассматривают под микроскопом, а когда насмотрятся, займутся ее препарированием.

Правки в сценарии были, как правило, незначительными, но от меня требовали немедленного присутствия на съемках, и я как минимум была с ними неделю, а затем улетала к себе

домой. Мои отлеты больше походили на бегство, а прилеты были такими частыми, что мне казалось, что я живу в воздухе в прямом и в переносном смысле.

Я шла у них на поводу и соглашалась практически на все их требования, только чтобы не задерживаться на съемочной площадке, но наотрез отказалась изменить последнюю сцену. Дэвид находил какие-то нелепые причины и звонил мне по ночам, убеждая, что я не права, что в жизни так не бывает, что моя героиня твердолобая дура. Да-да, именно так он и говорил: «Какой же нужно быть твердолобой дурой, чтобы, любя парня, не дать ему шанс. Она просто засранка».

Итак, я – твердолобая дура и еще засранка, Макс же – парень, которому нужно дать шанс, а я – засранка, которая не хочет дать ему этот гребанный шанс. Мило, ничего не скажешь. Мне всегда после этого хотелось послать его куда подальше, но в последний момент что-то останавливало. Я могла и Джеку, и Дэвиду привести свой довод, который остановил бы их требование, но Дэвид, как и все другие, не должен был знать, что это моя история.

В течение трех лет после расставания с Максом я мечтала только о покое. Моим единственным желанием было все забыть и ничего не чувствовать. И я почти добилась, но чего это мне стоило?! Я писала, много писала, продолжала работать в журнале и писала. Побывала во многих странах, познакомилась с добрыми и не очень добрыми людьми, и мне этого было довольно. И вот мое сердце снова билось как безумное только от одного голоса Дэвида, его запаха, когда он был рядом, только при мысли о нем. Я сходила с ума когда видела его и когда не видела – тоже. Вот поэтому всегда категорически отказывалась прилетать на съемки, ссылаясь на занятость. А он бесился и требовал у Джека моего присутствия. Это все походило на перетягивание каната. Так Джек в очередной раз уговорил меня прилететь.

В тот раз в аэропорту я не нашла машину съемочной группы. Встречал меня Дэвид собственной персоной, сославшись на свободный день от съемок. Когда мы подошла к машине, Дэвид открыл ее переднюю дверь, и я, не задумываясь, села на переднее сидение рядом с водителем креслом. Это было моей ошибкой. Дэвид, закрыв за мной дверцу машины и обойдя ее, сел за руль. Вот он совсем рядом, и я понимаю, что хочу, чтобы он обнял меня... Я знаю, я уверена, что, если он сейчас это сделает, я не буду возражать. И он переступил границу между нами. Из своего мира он решительно шагнул в мир мой. И это случилось, когда он взял мое лицо в свои ладони, заглянул в мои глаза, а потом время словно остановилось. Я видела только его яркие и такие желанные губы, которые медленно приближались к моему лицу, вот они открылись и я, наконец, их почувствовала на своих. Поцелуй был долгим, нежным и восхитительным. Он опустил веки, и его ресницы закрыли от меня зеленый свет его глаз. Голова кружилась, мысли мои путались, я млела и таяла в его объятиях. И теперь, когда я закрываю глаза и вспоминаю Дэвида, вижу его полуоткрытые губы, которые собираются поцеловать меня.

За роль Макса в нашем фильме Дэвид получил второй «Оскар». Фильм был номинирован на премию «Оскар» в пяти номинациях, в том числе за лучший сценарий. В итоге получил два. Второй достался Джеку за режиссуру. Я отказалась присутствовать на его вручении. По красной дорожке Дэвид прошагал, держа за руку свою красавицу жену. Затем в Интернете появилось много фотографий Дэвида, обнимающего счастливую «ее». Прекрасно. Все как я и предполагала. Так я смогла избежать постыдного и болезненного разочарования. Точнее, этим я наслаждалась сидя на диване и уткнувшись в колени. Они целовали друг друга, как и полагается в такой день, а со сцены он благодарил ее («дорогую мою жену») за поддержку и понимание, когда не мог уделять ей своего внимания. Я же утешалась тем, что в это время мне уделялось более чем пристальное внимание. Джек, выступая с «Оскаром» в руках, в числе тех, кого он благодарил, упомянул и меня, поблагодарив за понимание и умное сотрудничество. Он так и сказал: «Спасибо тебе, Крис, за твое умное сотрудничество. Ты была нам всем добрым другом».

Все были счастливы, и я была за них от души рада. Я искренне считала, что так и должно быть, что это его праздник и его семьи. Ну а я, поскольку не член его семьи, снова писала, летала, работала, встречалась. Одним словом, жила своей жизнью и любила его, ожидая звонка или электронного письма. Джек после праздничного вечера позвонил и отругал меня за то, что я не появилась на вручении. Это он тогда сказал мне, что награду им подарила я, согласившись изменить последнюю сцену, которую так талантливо сыграл Дэвид. «Это была та самая вишенка на торте, которая сделала свое дело», – сказал он мне и чмокнул в телефон. С Джеком мы теперь хорошие друзья, как и с его женой и детьми, с которыми он меня познакомил в Париже.

С Дэвидом мы не виделись уже больше трех месяцев, а если быть точной – сто два дня и десять часов. Это не самый большой наш перерыв, но дался он мне в этот раз тяжело. Я очень скучала по Дэвиду, и каждая новая разлука с ним становилась все мучительнее. Я понимаю, что бывают обстоятельства сильнее нас и что я все знала о нем, когда три года назад позволила сердцу любить его. Дэвид – звезда, он замечательный актер, он известен во всем мире, у него куча поклонниц и фанаток, объединившихся в клубы. А еще Дэвид женат на красивой, даже очень красивой, женщине и у них две красивые девочки, его дочери... их дочери... Я стараюсь не думать об этом. Чтобы быть с ним хоть день, хоть час, а я не могу не быть с ним, мне необходимо было принять это как данность, как истину, что за днем следует вечер, а за ним наступит ночь. Свяжав узлом все чувства, мешавшие мне любить его, я спрятала их глубоко-глубоко в моем сознании. Все отошло за эту черту. Остались только Он и Я.

3

Самолет выпустил шасси и покатил по взлетной полосе. Наконец он остановился, и пассажиры стали покидать его. Получив свой чемодан, я вышла в зал аэропорта и остановилась в замешательстве. Мои глаза искали Дэвида, но не находили его. В этом не было ничего удивительного, но я почему-то почувствовала себя обделенной и несчастной. Он никогда не встречал и не провожал меня, почему же я решила, что сейчас будет по-другому? Желаемое принимаю за действительное? Но почему мне вдруг стала этого хотеть? Необходимость заботы и тепла? Я сама всегда говорила, что не желаю огласки, что довольна своим положением и счастлива с ним. И мне более ничего не нужно, только иногда видеть его и... и не нужны мне красные дорожки, по которым он ходит, держа Ее за руку, объятия перед журналистами и его слов благодарности своей «любимой жене, которая помогала ему с ролью». Это все я оставляла Ей. Не слишком ли я щедрая? «Нахалка», – отругала я себя и стала искать знак, который мне позволил бы определиться, что делать дальше.

Осторожность Дэвида всегда была беспредельна. Имидж верного мужа и заботливого отца отличал его от многих известных актеров. Он очень гордился этим и очень следил за тем, чтобы его личная жизнь была скрыта от внешнего мира, а у жены не было повода усомниться в его верности. Это как верить в верность? Чепуха. Глупость. Знать, быть уверенной, чувствовать, наконец. Вот это то, что нужно. Слухи или фотографии, подтверждающие его неверность жене, исключались. Осторожность и еще раз осторожность – это его правило номер один. «Ты ведь понимаешь, – говорил он мне. – Тебя начнут преследовать журналисты. В первую очередь я о тебе волнуюсь».

Я соглашалась с ним. Действительно, ни ему, ни мне не нужна такого рода реклама. Как в жизни все переплетается, меняется... И вот теперь я оказалась той третьей, которая разбивает, разрушает... Мне очень жаль, но я снова и снова откликаюсь на зов Дэвида и сломя голову несусь к нему, как бабочка на огонек. Дэвид прав, что скрывает, прячет от жены все то, что может причинить ей боль. А моя боль? На свой вопрос я сама знаю ответ: у меня нет на нее право.

Будь Макс умнее и осторожнее, здравомыслящим и дорожившим нашими отношениями, возможно, мы сейчас вместе растили бы нашего сына. Всего-то и нужно было: снять номер в отеле и заняться там своим случайным сексом, а не делать это в нашем доме. Я понимаю, что за этим нет ни любви, ни даже истинной страсти, а только похоть самца к красивой самке. Этот зов природы, конечно, можно понять и даже возможно простить, но зачем так цинично... То, как это было сделано, о многом говорит. Я не знаю, кто был с ним в нашей постели, мне наплевать на нее, как и ей на меня. Это не ее вина, это вина Макса. Это он, оскорбив меня, разрушил наши отношения. Зачем он привел ее в наш дом? В нашу постель, в которой говорил мне о любви и уверял меня, что счастлив со мной? Это предательство я не смогла принять и простить, это была пощечина мне, и она до сих пор болит. Ложь – это плохо, но увидеть ее – очень больно. Макс и сейчас желанный жених для многих женщин. Но упорно продолжает утверждать, что по-прежнему любит меня, и просит простить его. Пусть бы я была в неведении или узнала бы со слов других, пусть даже от него самого, если бы он объяснил, что больше не любит меня, а любит другую... Но то, что я увидела... Эта картинка преследует меня, а главное – потеря ребенка... Нет и нет. За все в этой жизни нужно платить. Цена похоти Макса, его случайного секса, как он оправдывал это, оказалась для меня непосильной. Мне потребовалось три года, чтобы перестать вспоминать об этом ежедневно. В этом была и заслуга Дэвида.

Наконец мои глаза наткнулись на табличку с моей фамилией. Ее держал молодой высокий парень с чувственными губами. Все правильно: Дэвид прислал за мной машину. «Он, как всегда, все продумал», – отметила я, подходя к человеку с табличкой.

– Добрый вечер! Вы, наверное, встречаете меня, – я улыбалась ему как старому знакомому.

– Только вас я и встречаю, – засмеялся парень. – Как только я увидел вас в толпе, решил, что никакая другая девушка не займет место в моей машине.

Улыбался он заразительно, и только тут я поняла, как он красив.

Машина ехала вдоль Средиземного моря в сторону мыса Кап-д'Антиб, который в сумраке вечера растворился в скалах и прибрежных соснах. Мы проехали мимо легендарного отеля «Эден Рок», затем по главной улице Антиба и свернули к особнякам, а потом, миновав их вплоть до последнего дома, притормозили у открытых ворот и по усыпанной гравием дорожке медленно пересекли сосновую рощу, остановившись перед широким крыльцом у внушительных парадных дверей большого здания 30-х годов с видом на море. На ступеньках здания нас встречал Дэвид. Он открыл дверцу машины и заключил меня в свои объятия, которые подчеркнута были дружественными: встретились двое хорошо знакомых людей, а возможно, даже брат и сестра. Он тут же выпустил меня из объятий и стал расплачиваться с водителем. Парень что-то весело говорил Дэвиду, и тот, усмехнувшись, посмотрел на меня. Забрав мои чемодан, Дэвид, ни слова не говоря, рукой пригласил меня подняться в дом и, когда дверь за ним закрылась, бросил на пол вещи и набросился на меня. Каждый поцелуй его был долгим и неистовым. Его словно мучала жажда и он хотел пить, а когда стал пить – не мог ее утолить. У меня от счастья кружилась голова. Оторвавшись от меня, он заглянул в мои глаза.

– Я уже побрился на ночь, – он шептал мне с такой нежностью, что мне стало жарко. – У тебя такая нежная кожа... везде... Я скучал... очень скучал... Я боюсь сделать тебе больно.

Подхватив меня за ноги и закинув на плечо, Дэвид внес меня в комнату.

– Куда тебя нести? В кухню?

– Нет, – смеясь и задыхаясь от счастья, пропищала я. – Господи, Дэвид!

Я была в руках Дэвида, я чувствовала себя счастливой, и мне хотелось крикнуть миру: «Хотите посмотреть на счастливую женщину? Смотрите – это я».

– В спальню? – Дэвид разворачивался в разные стороны, похлопывая меня по ягодицам.

Я захлебывалась от смеха:

– Нет, нет и нет. В душ, в душ меня неси. Пожалуйста, в душ.

Поставив на ноги в ванной, Дэвид стал снимать с меня рубашку, затем отбросил в сторону шарф, избавил меня от обуви. Делал он это медленно, не произнося ни слова. Молчала и я. В доме была тишина, которую нарушало только наше шумное дыхание и стук моего сердца. Это меня захватило до такой степени, что я боялась рухнуть на пол. Стянув с меня майку, Дэвид нежно поцеловал в шею, и принялся расстегивать джинсы. Когда его пальцы коснулись кожи, у меня дрожь пробежала по спине, и я громко выдохнула. У Дэвида в глазах заплясали искорки и на лице расплылась улыбка Чеширского кота.

– Скучала?

Я кивнула головой.

– Нет. Не так. Ты скажи. Я хочу слышать, – настаивал он.

– Я... я скучала, – у меня перехватило горло. – Очень.

Эти слова мне дались с таким трудом, что я вдруг разревелась. У Дэвида округлились глаза, лицо стало виноватым. Он прижал меня к себе и стал гладить по спине. Когда я успокоилась и улыбнулась сквозь слезы, Дэвид быстро стянул с себя одежду и встал со мной под душ.

Чем хорош брак? Об этом я подумала утром, когда проснулась в объятиях Дэвида. Он еще спал, тихо и ровно дыша, обняв рукой меня за талию. Вечер был замечательным, ночь –

страстная и чувственная: Дэвид шептал, требуя, чтобы я сказала, как мне хорошо, чтобы я сказала, что он должен сделать, чтобы мне было с ним хорошо, что для него важно, чтобы мне с ним было хорошо, и он счастлив, когда мне с ним хорошо... А я в ответ говорила ему, как я счастлива с ним, и целовала самого любимого мной человека на всем белом свете.

После ночи наступило утро... При наших коротких и редких встречах я больше всего любила утро. Это тихое и нежное время наших встреч, когда запахи становятся такими родными, объятия – нежными и интимными, голоса – сексуальными, а душа – наполненной и счастливой. Вот что по-настоящему сближает мужчину и женщину: совместное утро после ночи любви. И это подвластно браку, это его привилегия, которой у меня нет и не будет. А я могу только от случая к случаю получать это чудо как награду за свое терпение.

Эта мысль обожгла меня. Я смотрела на спящего Дэвида, на такого сейчас открытого и по-настоящему обнаженного для меня. В момент сна мы все обнажены для других, независимо от того, есть ли на нас одежда или нет. Все это у тебя есть, если ты в браке. У него есть, но не со мной. Мне стало не по себе от этой мысли. «Нет-нет, в браке тоже не всегда так, – уговаривала я себя. – Можно просыпаться в одной постели, но быть очень далеко друг от друга. Чтобы это чувствовать, необходимо, во-первых, любить мужа, во-вторых, чтобы муж любил тебя. Следовательно, муж и жена должны любить друг друга, нужна нежная и сексуальная ночь, нужно взаимопонимание...»

«Стоп!» – приказала я себе. Меня уже стало нести в настоящие дебри. «Сколько всего нужно – много всего нужно», – подвела я итог. Потом вздохнула и подумала, что мне по утрам хорошо бы иметь кровать, в которой лежит Дэвид, который обнимает меня. Меня и только меня, и желательно каждым утром и до самой смерти, и лучше моей.

Тут я вспомнила нашу первую совместную ночь. Нет, не первый наш секс, а именно ночь, когда Дэвид обнимал меня до самого утра и проснулся в моих объятиях, а я в его. Это было чудесно. Забыть такое невозможно. Тогда, на съемках, Дэвид, как правило, приходил ко мне в номер, мы занимались любовью, долго разговаривали, а затем он уходил к себе. На всю ночь он никогда не оставался. Дэвид боялся, что утром его может увидеть кто-нибудь из съемочной группы или персонала отеля.

Так продолжалось, пока я прилетала на съемки, но однажды, когда они уже практически завершились, Дэвид предложил мне вернуться домой из другого города, куда мы с ним отправимся на несколько дней, а затем он посадит меня на самолет. Конечно, я согласилась. Но сюрприз заключался в том, что мы добирались до того города не на автомобиле или самолете, а поездом, в котором Дэвид купил билеты на все места в купе спального вагона.

Вся поездка на поезде заняла одну ночь, и в купе спального вагона мы были одни. При воспоминании об этой восхитительной ночи я невольно начинаю счастливо улыбаться и у меня учащается пульс. В эту волшебную ночь, после секса, который был сумбурным и веселым на узкой полке вагона, с которой мы постоянно скатывались, всхлипывая от неудержимого смеха, мы проспали в обнимку до самого утра, и Дэвид, лежащий у стенки, обнимал меня, крепко прижав к себе, как он потом говорил, чтобы я с нее не упала. Я же так и не уснула в ту ночь, слушая его дыхание и плача от счастья. Затем наступило наше первое совместное волшебное утро, и по поцелуям в шею я поняла, что Дэвид проснулся. Это было прекрасно и всегда таким оставалось на протяжении наших встреч.

Вот и в то утро Дэвид зашевелился, открыл глаза и, увидев меня, счастливо улыбнулся, затем снова закрыл глаза, притянув меня рукой, крепко прижал к себе. Именно в такой последовательности, что меня очень устраивало. Вот он – миг счастья, который я ждала долгих три месяца, за которым летела, забросив все свои срочные дела. Миг, целый миг – это уже много, главное знать, что это именно тот самый миг. Господи, спасибо тебе, что он у меня был. Но я хочу еще и еще, пожалуйста. Если ты меня слышишь сейчас, значит ты об этом знаешь.

4

Я не стала нарушать свою традицию – по утрам смотреть почту – и после завтрака, когда Дэвид вышел в сад, открыла ноутбук и вошла в нее. Ознакомившись с перечнем писем, а их было много, я не стала их читать, сделав исключение только письму Джека. Джек, как всегда, писал с юмором обо всех новостях в мире кино. Доставалось от него всем. Он ни с кем не миндальничал. Талант и труд – вот что было определяющим у него в отношении к человеку. Такой уж был Джек: мягкий и добрый в быту и жесткий и бескомпромиссный в работе. Дэвид уже вошел в комнату, держа футболку в руках с намерением натянуть ее на себя, когда я засмеялась очередной шутке Джека. Забыв о футболке, он подошел к столу, за которым я сидела, и, встав за моей спиной и продолжая держать ее в руках, устремил свой взгляд на экран.

– Вишенка на торте? – воскликнул он полушутя-полусерьезно. – Он что, так тебя называет?

– Угу, – на автомате ответила я и тут же, повернувшись к Дэвиду, обеспокоенно спросила. – А почему нет? Это лучше чем «тыковка», «хомячок» или какой-либо другой зверек.

Дэвид рассмеялся. Ему явно понравилось мое недоумение.

– Старый дурак. Одно дело, когда мы тебя так называем за глаза, между собой, и совсем другое – так к тебе обращаться. Смешно. Ты и – вишенка? – он снова засмеялся. – Это несомнимые вещи. Не верю своим глазам. Ха-ха. К тебе нельзя так обращаться. Ты – это не она. Ты совсем другая... Нет... ты не вишенка. Я не стал бы тебя есть как вишенку.

Я подняла брови и округлила глаза. Ну да, я, конечно, не та вещь. Но вот какая другая, если не вишенка? По крайней мере, вишенку я представляю.

– Ха-ха! – передразнила я Дэвида. – Очень весело, что и говорить. Особенно весело, когда смеешься ты, а не над тобой другие.

Я попыталась изобразить обиду, но у меня плохо получилось, потому что разбирал смех. Но, взяв себя в руки, я продолжила допрос:

– Вы меня так называете между собой? И кто это «мы»? Ты, Джек..., а еще кто?

Я смотрела на него сначала с изумлением, а потом пристально и с подозрением. Дэвид поднял вверх одну руку, в другой продолжал держать футболку. Голый торс меня отвлекал. Хотелось прижаться к нему, но я пересилила себя, сглотнув ком в горле. «Надел бы уже эту чертову футболку», – подумала я, но ничего не сказала. Но мысли мои путались, и я снова и снова думала о голом торсе. Я чувствовала, что начинаю терять голову и стала бояться, что в этот день я ее уже не найду. Его тело источало запах мяты, моря... Голова кружилась...

– Сдаюсь. Пожалуйста, прости! И не смотри на меня такими глазами, – его распирали смех.

Какими такими? Господи, неужели он понял, о чем я думала. Но продолжала смотреть на него, стараясь придать своему взгляду строгость, каждую минуту ожидая подвоха. Какой-то подвох, несомненно, здесь был, если Дэвид попросил прощения. Мне и в голову не приходило, что это не просто шутка Джека, а что-то уже постоянное и накрепко привязанное ко мне этими двумя... интриганами. Выходило, что они уже давно за моей спиной плели свои интриги. Мое это негодовало. Я громко запыхтела. Шею стало сводить, поскольку я сидела, задрала голову, и смотрела на нависающего надо мной полуголого Дэвида. Хотелось прогнуться назад, обняв его за шею и.... О нет... Я трянула головой, отгоняя прекрасное видение. Нужно докопаться до этой интриги и положить этому конец.

– Надень, наконец, эту... футболку и сядь. Сядь, пожалуйста, или у меня сейчас отвалится голова. И потом, ты не ответил на мой вопрос.

Дэвид подвинул кресло к столу, за которым я сидела, и сел смиренно, как послушный школьник, положив футболку себе на колени. Сложив губы трубочкой, он пытался сделать

лицо серьезным, но увы. Его выдавали глаза, в которых прыгали блудливые огоньки. Он был неотразим.

– Ну... Джек... я... в общем, вся съемочная группа. Прости.

– Но почему? Почему вишенка и почему на торте?

Я грозно напирала на него. Мне это было не по душе. Я понимала, что это шутка, но не приняла ее и обиделась. Раньше я думала, что это блажь одного Джека, и поэтому снисходительно прощала ему. А тут оказался целый заговор за моей спиной.

Дэвид почувствовал это и, пожав плечами, ласково улыбнулся мне.

– Потому что ты всем принесла успех: мне и Джеку – «Оскар», а еще мне – счастье. Правда это случилось раньше, когда ты после долгого препирательства согласилась изменить концовку сценария. Вот тогда Джек и сказал, что завершающая сцена будет вишенкой на торте. После этого и пошло, поехало.

Так или иначе, но это действительно было так. Критики особенно отмечали игру Дэвида в последней сцене. Я уставилась в экран и молчала. Дэвид почувствовал мое состояние и снова – в который раз при разговоре на эту тему – взвился.

– Я не могу понять, почему ты отмалчиваешься? Что не так, Крис? Ты можешь мне объяснить, что не так? Крис, ты меня слышишь?

Я кивнула головой, но не произнесла ни слова. А он продолжал кипятиться.

– Ты ни разу не высказала своего мнения о фильме. Посмотрела, вышла молча и улетела, даже не изволив появиться на награждении. И не хочешь говорить об этом все эти годы. Вот и сейчас надулась.

– Я не надулась.

– Нет, ты надулась.

– Я не надулась, – упрямо пробормотала я, мотнув головой.

– Я ведь вижу, я не слепой. Если тебе не понравился фильм, ты так и скажи: «Ваш фильм дрянь. Фуфло», – при этом он вскочил на ноги и стал бегать по комнате, а затем остановился и уставился в окно.

Я видела, что Дэвид начал злиться. Подойдя к нему, я легонько обняла его сзади, положила ладони ему на грудь и прижалась губами к теплому местечку между лопатками. От его запаха у меня закружилась голова. Когда я коснулась его, Дэвид резко втянул воздух и накрыл своими ладонями мои. Так мы и стояли несколько секунд. Дэвид по-прежнему был для меня моральным авторитетом, человеком с твердыми принципами, аж до чувства собственной непогрешимости. И тогда я наконец решилась рассказать ему, что чувствовала, когда посмотрела фильм.

– Во-первых, я не изволила, как ты сказал, прилететь на награждение по очевидной причине, и не тебе... меня в этом упрекать, – я дернула плечами и, с негодованием взглянув на него, отвернулась.

Дэвид нахмурился и тихо спросил, натягивая на себя футболку:

– Ты не появилась... Это из-за меня? Это я тебе испортил праздник? А ведь твой сценарий тоже номинировали на... Боже, Крис. Это только красная дорожка и фотографии для прессы, и все. Пожалуйста, не вали все на мою голову. Ты себе что-то вообразила, а затем говоришь, что я должен это знать. Мне и в голову это не пришло. Зачем ты это сделала? Зачем? Ты должна была там быть, просто обязана. Это твоя работа и твой, только твой успех. Весь мир должен был увидеть тебя, Крис. Это был и твой праздник... Если бы я только знал... Крис, я бы прилетел за тобой. Я тебя ждал... мы с Джеком тебя ждали.

Я не стала отвечать на его вопрос. Не могла же я ему сказать, что не посетила столь помпезное мероприятие только потому, что боялась не справиться со своими чувствами, когда увижу его вместе с женой. Мог бы и сам догадаться. Подчас мужчины бывают такими тупыми. Поэтому я только жалко пропищала:

– Ты не должен ни в чем себя винить. Ты здесь не при чем.

– Тогда кто при чем? – напирал Дэвид. – Ты только что сказала, что причина очевидная. Но я так и не понял, в чем она. Так в чем же причина, Крис?

Меня же он уже достал своим упрямством. Он что, действительно не понимает, почему я не прилетела на награждение, или он так притворяется, чтобы помучить меня? Так пусть узнает причину, решила я:

– Во мне причина, и только во мне, – я почти выкрикнула эти слова, но тут же поняла, что веду себя глупо, и мне стало стыдно.

Тихо, почти шепотом продолжила я, глядя в его глаза:

– Я не хотела там быть и видеть тебя рядом... Прости меня, Дэвид, но я боялась, что не смогу справиться с собой и подведу тебя. Я не хотела испортить тебе праздник. Как показало время, я поступила тогда разумно... Прости, что тебе пришлось выслушать это.

Дэвид поцеловал меня в голову и опустил глаза. Похоже, дошло, и, чтобы покончить с этим, я продолжила перечислять свои впечатления от нашего фильма:

– Во-вторых, ваш фильм чудо как хорош. Его смотришь не отрываясь, на одном дыхании. Все актеры играли замечательно, а ты... ты был прекрасен, – я почувствовала, что мои глаза наполняются слезами, и уже на одном дыхании произнесла: – «Оскар» по праву твой и Джека...

Мы оба молчали несколько секунд. Первым нарушил молчание Дэвид:

– Во-первых, не «ваш фильм», а наш фильм. И мой «Оскар» это твой «Оскар», потому что это тебя я просил простить меня. В той сцене я видел только тебя, Крис. Во-вторых, сейчас самое время, чтобы тебе сказать «но»... – процедил Дэвид.

Он снова стал злиться на меня. Что бы я ни сказала, все не так. Да что с ним сегодня?

– ...но это не моя история, – не отдавая себе отчета, выпалила я.

– Не твоя? – Дэвид отшатнулся от меня. – Что ты имеешь в виду?

– Ты был так убедителен, так искренен в раскаянии Макса, что я почувствовала себя предательницей в этой истории. Но это не моя история.

Я упиралась, как упрямая ослица. Я всегда гордилась своим самообладанием, но сейчас не замечала, что по моим щекам потоком льются слезы. Дэвид застыл и во все глаза смотрел на меня. Он молчал, понимая, что мне нужно высказаться. А меня уже нельзя было остановить. Платину молчания прорвало, и слова лились из меня потоком. Сдерживая все эти годы свои эмоции, мне в тот момент стало жизненно необходимым рассказать Дэвиду правду.

– Понимаешь? Тогда я не могла ему простить. Для меня это было кошмаром, от которого я по сей день не могу окончательно избавиться. Он предал меня. Ты понимаешь, Дэвид? Макс меня предал и заставил пройти через весь тот кошмар. Это так больно видеть, как твой... с другой... Я не знаю, как у других, но когда я занимаюсь любовью с желанным и любимым мужчиной, то думаю, что только у нас с ним может быть так прекрасно и неповторимо, что только со мной – и ни с кем больше – он может получать такое наслаждение. Что это я дарю его ему, а он мне. Это сейчас я понимаю, что это только моя иллюзия. Красивая? Да, очень красивая, но все же иллюзия. А тогда... Он был первым моим мужчиной... Я была раздавлена. Он буквально растоптал меня. А потом приходит осознание, что из-за похоти Макса, только из-за этой гребанной похоти ты убила своего... еще не родившегося ребенка, и уже тебе нет прощения. Макс перестал для меня существовать, понимаешь? Он давно уже прощен. Но это отнюдь не значит, что я его как прежде люблю. Я не могу себя простить. Не могу, понимаешь? И дело уже не в Максе, а во мне. И прощать мне нужно не его, а себя.

Дэвид смотрел на меня каким-то отстраненным взглядом, словно видел меня в первый раз.

– Крис, ты такая... Крис, у меня с тобой..., – он на секунду замолчал и продолжил охрипшим голосом, – только с тобой у меня так ошеломляюще прекрасно и неповторимо. Это не иллюзия, поверь мне.

Теперь замолчали мы оба. Первой не выдержала я.

– Дэвид, я написала свою историю, это была моя жизнь. Это я – «твердолобая дурочка и засранка». И ты не прав, когда говорил, что в жизни так не бывает. Как видишь, бывает, потому что в моей так и было. Я написала о том, что чувствовала в тот момент. Вот почему я так долго не соглашалась поправить сценарий. Я понимала, что если соглашусь, то это уже будет не моя история. Ты должен меня понять, потому что... – я на секунду остановилась, чтобы набрать в легкие воздух. – Ты с Джеком... вы оба так наседали на меня, что я не устояла, как и не устояла тогда... в машине. А должна была, просто была обязана... и тогда, и в машине. Это я кругом виновата. Прости.

– За что? – чуть слышно проговорил Дэвид. Губы его дрогнули, как будто он собирался что-то еще сказать, но потом передумал.

Я посмотрела на него и увидела блеск в его глазах и пылающие щеки. Недосказанность подчас приводит к недопониманию, а я хотела, чтобы Дэвид не сомневался в моей преданности ему. И потом, мне жизненно необходимо было выговориться, извлечь наконец из сердца всю накопившуюся тяжесть.

– За все, что случилось с нами, – расстроено ответила я.

Но Дэвид словно не слышал меня. Он по-прежнему в упор смотрел на меня и молчал. Меня это сбивало с толку. Я опустила голову и стала снова говорить, потому что не могла молчать:

– Дэвид, если посмотреть правде в глаза, ты переиграл Хэлли по всем статьям и перетянул одеяло на себя. Я знала, что так и будет. Так в итоге и случилось: Джек снял его историю, историю Макса, но думаю, что у него она была несколько иной. И Хэлли – это не я. Но, может быть, я ошибаюсь? И если я такая, то я себе совсем не нравлюсь. А потом ты был так прекрасен и так проникновенно убедителен в раскаянии Макса, что, возможно, я тебя бы и простила, но, скорее всего, нет. Мне даже в фильме сцену измены было больно смотреть, и я закрыла глаза. А она в фильме была более целомудренной, чем в жизни. Все было так ужасно. Поверь мне на слово. Возможно, я ревновала уже не его, а тебя... Но было больно смотреть, а пережить... В жизни все страшней и больней. Я совсем тогда потеряла голову. Когда не готов это увидеть, хотя к этому нельзя подготовиться, тебя захлестывает ужас и боль. Эмоции зашкаливают, и тогда в голове остается только одна мысль – убежать и спрятаться. Не могла же я вам сказать, что поверженная и обманутая Хэлли – это я.

– Даже мне? – услышала я голос Дэвида, и это привело меня в чувство.

– Как раз тебе и не могла. Тебя это удивляет? – я с трудом подняла голову и посмотрела на него.

Дэвид обнял меня и крепко прижал к груди. Затем отстранился и перевел на меня взгляд, в котором читалась такая грусть, что мне стало больно дышать.

– Это ты должна простить меня. Дорогая, любимая, прости, что я такой твердолобый. Мне нужно было самому догадаться. Но ты всегда была такой неприступной и отстраненной. Твоя реакция на меня была столь равнодушной, что, разозлившись на тебя, а возможно и на себя тоже, я вломился в твою жизнь нагло и цинично. Конечно, я избалован вниманием к своей персоне, но чтобы так... холодно и подчеркнуто равнодушно. Ты была вся такая недоступная, просто недостижимая для всех, а главное, для меня, что я почувствовал себя в тот момент неуютно. Не буду скрывать, меня это очень задело. Пожалуй, моя гордость была уязвлена. Джек предупредил меня, что ты особа строгая и не склонная к авантюрам. Не буду утверждать, что не замечаю красивых женщин, но и удивить меня неземной красотой не просто, сама понимаешь, с какими красавицами мне приходилось сниматься, а уж соблазнить – тем более.

– Как видишь, Джек ошибся. Я не прошла тест и оказалась особой ветреной и склонной к авантюрам. Но со всей ответственностью заявляю, что не пыталась тебя соблазнить. Если честно, то у меня даже в мыслях этого не было. Я ставлю перед собой только реально выпол-

нимые задачи. Если я тебя все же соблазнила, то поверь мне, это получилось случайно, помимо моей воли, но, вместе с тем, я горда собой. Ловко я тебя поймала?

Дэвид покачал головой и рассмеялся.

– Жаль, что не хотела меня соблазнить. Но рад, что ты поймала меня, и у тебя это получилось на раз. Ты правда не хотела меня?

Я захлопала глазами и от его наглости, открыла рот, но так и не нашла, что сказать и закрыла его. А Дэвид продолжал подтрунивать надо мной:

– Даже чуть-чуть? Нет?

Я растерянно покачала головой.

– Обидно! – И он действительно с обидой вздохнул. – Твое утверждение, что ты ветреная, не выдерживает никакой критики. Не льсти себе. Ты не способна на флирт. И поймала не ты меня, а я тебя, и мне это стоило немалых усилий. Ты вгоняла меня в отчаяние своей отстраненностью и равнодушием ко мне. Когда Джек в первый раз подвел меня к тебе, чтобы познакомиться нас, ты улыбнулась, но твои чудесные глаза оставались такими холодными и серьезными, а улыбка лишь тронула твои губы и замерла где-то там... – он наклонился и поцеловал меня в переносицу, и я зажмурилась от счастья. – В тот момент ты была чарующим равнодушием, вот кем ты была. И еще меня задело твое упрямство. Ты упрямо избегала меня, а я пытался угадать, где смогу тебя встретить, а когда угадывал – радовался, как ребенок, что вижу тебя. Это такое чудесное подростковое чувство, и я его постоянно испытываю, когда обнимаю тебя после долгой разлуки.

Пока Дэвид говорил, я любовалась им. Каждым его движением, поворотом головы, движением его губ, таких любимых и желанных.

– Вот уж не ожидала, что тебе нравятся упрямые ослицы. Но ты ошибаешься, я не подружка ослика Иа. Я скорее лошадка Крис. И у меня тоже зашкаливало сердце, когда я видела тебя. Но я не должна была... Пыталась бороться сама с собой, но не смогла... У меня оказалась жалкая воля, и в итоге мое жалкое «Я НЕ МОГУ» победило мое сильное «Я ХОЧУ». Ты действительно поймал меня и приковал к себе цепями. Что значит это для меня – я знаю, но хорошо ли это для тебя? Не думаю, что тебе следует этому радоваться. Я из легкой интриги могу превратиться для тебя в проблему и обузу.

Я рассчитывала на шуточный ответ, поскольку сказала это так, ради смеха, но по лицу Дэвида пробежала дрожь. Похоже, я задела что-то важное для него. Я поймала себя на мысли, что в этот раз все идет не так. Все иначе, и Дэвид напряжен, как будто пытается что-то для себя решить.

– Крис, прости меня, дорогая.

Он произнес это таким обреченным голосом, что на мгновение я потеряла дар речи. Я ведь только хотела пошутить. О боже! Я что, правда его проблема? Это что, я угадала?

– Простить? За что простить? – мой голос предательски задрожал.

– За то, что разрушаю твою жизнь, за то, что обижаю тебя... за то, что...

– О нет! Ты не должен так говорить, – горячо зашептала я. – Ты вернул меня к жизни. И если тебе со мной хорошо, значит, я счастлива. Я живу только рядом с тобой. Только будь со мной и не говори больше так. Хорошо?

Дэвид улыбнулся, но улыбка получилась такой печальной, и поцеловал меня в нос, а в зеленых глазах его что-то блеснуло, но он тут же спрятал свое лицо в моих волосах и чмокнул меня в макушку.

5

В тот день мы больше не возвращались к этому разговору, но Дэвид был, на удивление, задумчивым, и я постоянно ловила на себе его внимательный взгляд. Подсознательно я чувствовала тревогу. Бр-р-р. Противное состояние. Что-то было не так и это – «что-то» – шло от Дэвида. Его явно беспокоила недосказанность. Но чего? Он хочет мне сказать, но не решается. Что-то мешало ему, но что? «Почему он вдруг попросил у меня прощение», – с тоской подумала я. Зачем? Почему? Мы никогда не говорили так откровенно о наших отношениях, и это пугало меня. «Мне не следовало быть такой откровенной», – корила я себя. Наши встречи были так редки и так коротки, что я жалела о каждой минуте, потраченной на сожаление и обсуждение наших – таких непростых – отношений.

Мы долго гуляли по узким дорожкам вдоль скал. На стене замка Гримальди Дэвид обнял меня и прижал к себе, целуя в макушку. Мне было так хорошо, я в эту минуту была счастлива. Вернувшись в дом, мы заказали в ресторане обед, и, когда он был доставлен, я накрыла стол белой скатертью, зажгла свечи и надела нарядное платье. Мне хотелось, чтобы вечер был праздничным. Когда мы уже должны были сесть за стол, Дэвид все поставил с ног на голову.

– Иди сюда, – чуть задыхаясь, сказал он и, протянув руку, легонько коснулся моего оголенного плеча, отчего в моем теле миллионы нервных окончаний буквально застонали от его прикосновения.

Лукаво улыбнувшись, Дэвид с легкостью подхватил меня, перекинул через плечо и унес в спальню, а там с нежностью опустил на постель. «Наш обед остынет», – попыталась я вяло протестовать, продолжая наблюдать за тем, как он быстро через голову сдергивает рубашку и ловко расстегивает брюки.

Время. Удивительная субстанция. Мы все, живущие в этом мире, существуем в нем. Сегодня превращается во вчера, а завтра переходит в сегодня, и так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Проходят годы, столетия, века. Все идет своим чередом и со скоростью, установленной мирозданием. Оно бесконечно во всей Вселенной, но конечно в моей вселенной. Оно закончится, как только остановится мое сердце. Время в моей вселенной имеет цвет: яркий, солнечный, когда Дэвид со мной, невзирая на то, что погода пасмурная и идет дождь, и всегда серый, если он далеко от меня, а за окном солнечная, чудесная погода. И движение времени в моей вселенной идет по другим законам: удивительно, как быстро оно бежит, когда мы вместе, и как оно долго тянется, когда я жду звонка от него.

В разлуке главной вещью для меня становится телефон, который я постоянно ношу с собой, с которым я сплю. Для меня потерять его – значит потерять себя. Если его не окажется у меня под рукой, я теряюсь и, пока его не найду, ни о чем другом думать не могу. Но сейчас я спокойна, Дэвид рядом со мной. Мы устроились на диване: Дэвид читает сценарий, который ему прислали перед отъездом, так он мне сказал, а я устроилась рядом с ним с журналом в руках, который я купила в аэропорту, но так и не успела его открыть. Ничегонеделание рядом – для нас большая редкость, и я наслаждалась этим, почти историческим, моментом. Дэвид постоянно отрывался от текста, гладил меня по голове или начинал целовать то в макушку, то в шею. Я хихикала и брыкалась и была очень счастлива. Я и сейчас помню то бесподобное чувство, которое заполнило меня. Остановить бы тот миг, но даже в моей вселенной это сделать невозможно, если не умереть.

– О! – воскликнула я, открыв журнал и обнаружив в нем фотографию Дэвида.

Дэвид оторвал взгляд от сценария и заглянул в журнал, а затем посмотрел на меня.

– Ничего интересного. Очередное ничего не значащее интервью. Глупость, брось его, – он указал глазами на журнал.

– Тебе лучше не читать эту ерунду, – поспешно проговорил он и вернулся к своему чтению.

Мне бы его послушать и выбросить журнал, но я этого не сделала. Так началось мое падение в бездну.

– Ты здесь очень хорошо получился, и твоя жена тоже. Она красивая, – я почему-то засмеялась. Нервное, по-видимому. – Знаешь, есть такой старый-престарый анекдот, в котором ключевые слова «а наша лучше всех». Так вот, наша лучше всех.

Я тогда смеялась своей дурацкой шутке, а сейчас мне стыдно это вспоминать. Как я могла быть такой тупой и просто отвратительной? Фу! Я краснею, даже когда вспоминаю это. Мне тогда надо было просто заткнуться и закрыть журнал, как просил Дэвид, но я этого не сделала. Меня уже несло со скоростью курьерского поезда. Дэвид сделал вид, что не слышит меня, и продолжал читать, но я поняла, что он не только слышит меня, но и внимательно, как никогда, наблюдает за мной и почему-то волнуется. Его волнение передалось мне. Возможно, мне это только показалось, и я, отбросив все тревожные мысли, стала читать эту злополучную статью. Мне нужно было прислушаться к своему ощущению, но тогда... Сейчас я понимаю, что это была моя ошибка. Мне не следовало этого делать. Но тогда...

Это было интервью, которое Дэвид дал известному и популярному журналу. Я и раньше много читала его интервью. Журналисты любили его и всегда хорошо о нем писали, отмечая его профессионализм и ум. Я посмотрела на дату выпуска журнала. «Последний номер, свеженький совсем, – мысленно отметила я. – И когда он только успевает?» Не обращая внимание на нахмуренное лицо Дэвида, я, со злополучным печатным изданием в руках, стала уютно пристраиваться у него в ногах. Дэвиду явно не нравилась моя затея. Он был крайне серьезен и попытался даже выхватить журнал из моих рук. Адреналин забурлил у меня в крови, и я, увернувшись от него, приступила, наконец, к чтению.

Вот и эта статья была в таком же духе: талантливый, умный, красивый. Интеллектуал, любящий отец и верный муж. Казалось, ничего особенного, все как всегда, но... Это «но» обнаружилось в конце статьи. По-видимому, чтобы удовлетворить интерес читателей к частной жизни звезд, журналист задал Дэvidу ряд блиц-вопросов о его частной жизни, одним из которых был и этот: «Правда, что он не изменяет своей жене с другими женщинами, как об этом пишут и говорят?». На него он ответил: «Да, правда».

Буквы запрыгали у меня перед глазами. На миг мне показалось, что я просто ошиблась и не так прочитала, поэтому принималась читать снова и снова. Нет, все правильно. Ответ Дэвида привел меня в замешательство. Я долго смотрела на эти буквы и думала, как я должна реагировать, или, может быть, мне совсем не нужно на это реагировать, а превратиться в фантом или сделать вид, что меня попросту не существует, поскольку я фантом. Ну нет меня – и все отлично. Ответ Дэвида журналисту в принципе ничего не менял. Нужно было просто закрыть журнал и забыть о нем. Но я его не закрыла. Затем я стала думать, как можно было ответить журналисту. У меня есть любовница? Конечно, нет! Он не мог так ответить – это ясно как божий день. И совсем не обязательно на такие вопросы отвечать честно. Это не исповедь у священника, и журналист не исповедник. Да и задавать такие вопросы по меньшей мере неприлично. Но это уже относилось к журналисту, а он был мне по барабану. Такой довод меня не успокоил. Но и так нагло врать тоже нельзя. Можно было бы ответить уклончиво, перевести все в шутку или... или просто отказаться на него отвечать, сославшись на тайну супружеской жизни. В этом жанре все уловки хороши, но чтобы так? О нет. Меня это обескуражило, и я устала на Дэвида:

– Ух ты, как круто. Ты серьезно так ответил?

Я рассмеялась, чтобы скрыть свое волнение. Дэвид поднял голову и заметил, что я на него смотрю. Теперь я поняла, почему он так упорно не хотел, чтобы я читала эту статью. И я уже пожалела, что сделала это. Мне стало не по себе. Но было уже поздно, я открыла этот

чертов ящик Пандоры. Он понял, что я добралась до этого вопроса и его ответа, но сделал вид, что не знает, о чем это я, и вопросительно смотрел на меня. В его взгляде была тоска, и голос прозвучал глухо:

– Ты это о чем?

– Ты знаешь о чем, – не глядя на Дэвида, сказала я голосом судьи.

Это сейчас я понимаю, что у меня не было права присваивать себе функции инквизиции. А тогда обида, боль и зависть к той, которой он «не изменяет», ударили мне в голову. Я сама не ожидала, что мои слова прозвучат так резко. Но было уже поздно: сказанного не исправить. И вдруг я отчетливо поняла, что мне не нужно было начинать об этом говорить, но меня уже нельзя было остановить. Если бы меня в тот момент спросили, что мне в себе не нравится, я бы ответила – несдержанность и упрямство. Дэвид продолжал молчать.

– Почему ты так сказал, если это неправда. Если ты не хотел говорить правду, то мог бы просто не отвечать на этот вопрос. Да тут на выбор множество вариантов ответов. Но ты почему-то ответил именно так. Почему?

– Потому что это правда, – не поднимая на меня глаз, тихо проговорил Дэвид.

– Правда?

У меня глаза полезли на лоб. Мой мозг отказывался понимать его. Сидя на диване, я выпрямила спину и нервно засмеялась. Правда? Он сказал, что это правда, или я ослышалась? Теперь я знала, что означает «быть в шоке». В тот момент я ни на что не претендовала, но тем ни менее, чтобы вот так. Мне и в голову не приходило, что я могу даже мечтать быть с Дэвидом. Но обида вдруг захлестнула меня, затуманив остатки здравого смысла. Вспоминая свою истерику, я и сейчас краснею от стыда. Мне хочется это забыть, вычеркнуть из головы, но как раз это я и не могу забыть. Какой же мерзкой я была.

– Ты считаешь, что я фантом и мной можно так просто взять и пренебречь? Я вроде и есть, и меня как будто в то же время и нет? Удобно. Ты говоришь: «Да, правда», а то, что со мной... с нами... и мы... это как бы и не считается. У тебя ведь это несерьезно. Прости. Я хотела сказать – у нас. Так? Поэтому и волноваться не о чем? Наверное, ты прав. Действительно, это не считается, потому что все несерьезно... Так?

Я как бы со стороны слышала свой на удивление спокойный голос, но при этом у меня сносило голову, и я с трудом сдерживала истерику. «Остановись, – приказывала я себе. – Ты об этом потом пожалеешь». И тут я явственно поняла, что боюсь его ответа, как, наверное, больные боятся услышать страшный диагноз у врача. Кто пережил такой момент, тот меня поймет, а кто нет – тому я от души желаю не оказаться в таком положении.

– Нет, не так, – только сейчас чуть слышно произнес Дэвид.

Пока я ерничала и язвила, он молчал, давая мне возможность выпустить свое негодование. Дэвид печально и нежно улыбнулся и потянулся ко мне, чтобы обнять, но я в испуге отодвинулась, и он остановился.

– Я так не думаю, – тихо, с болью произнес он. – И ты не фантом, к счастью. Ты очень даже реальная и при этом такая фантастическая.

Теперь он горько улыбнулся, а в глазах промелькнул испуг, но, возможно, мне это только показалось. Да и чего ему бояться? У него все нормально, полный набор: дети, жена, наверное, интрижки на стороне и дура-любовница, которая готова лететь на Северный полюс или в Антарктиду только затем, чтобы прикоснуться к нему. У меня сжалось сердце, и я очень хотела броситься ему на шею, но я этого не сделала и по-прежнему сидела истуканом. Но то, что я услышала в следующую секунду, не поддается никакому пониманию. Голос Дэвида прозвучал ровно и тихо, но он оглушил меня:

– Просто на это нужно посмотреть с другой стороны, и тогда получится, что я сказал правду.

Я закрыла глаза и досчитала до трех, чтобы успокоиться:

– Прости, но я тебя не понимаю. И с какой бы ты стороны ни смотрел, а это все же...

– Крис, – он так резко выкрикнул мое имя, что я вздрогнула. – Это я тебе изменяю каждый раз, ложась с ней в постель. Но сейчас...

Дэвид покачал головой и замолчал. У него был такой вид, словно он собирался сказать что-то очень важное, но вдруг остановился и мотнул головой:

– Прости, Крис. Прости меня.

Скажи он тогда, что любит меня, и я бы все забыла. Но он не сказал. Он никогда мне этого не говорил. Мы оба молчали. Казалось бы, несколько слов, но они обрушились на меня с такой силой, что я стала задыхаться. Лучше бы он этого не говорил. В одно мгновение передо мной разверзлась бездна, и все померкло. Он смотрел на меня. Большие зеленые глаза, которые я так любила и считала своими, точно заглянули мне прямо в душу. Я передернулась и закрыла глаза ладонями. Потом выдохнула и бросилась в ванную комнату. Ноги подкашивались, и я медленно опустилась на край ванной.

6

Я сидела на краю ванны и плакала, прилагая огромные усилия, чтобы осознать то, что сказал мне Дэвид только минуту назад. Но в голове словно произошел взрыв. Мне стало страшно одиноко, и я чувствовала себя обманутой и брошенной. Боже мой, я так люблю его, хочу прожить с ним всю свою жизнь, но сейчас по-настоящему поняла, что этого не будет никогда. По мне словно проехали катком, и все части мозга встали на место, обнажив то, что так тщательно я прятала от себя.

Да, меня и раньше терзало чувство вины. Но эти терзания заглушались моей безумной любовью к Дэвиду. Разумеется, она – его жена, у него от нее дети... Дети! При всем при этом даже представлять его с ней было для меня совершенно невыносимо. И я отгораживалась от таких мыслей, не позволяя себе разрушать то небольшое, что было между нами. Тем вечером с меня словно сняли повязку, и я все увидела в истинном свете, но не хотела, да и не хватило сил осознать, что Дэвид мне не принадлежит и никогда не принадлежал. Тогда я только одно хорошо поняла, что, как было раньше, теперь уже никогда не будет. Не будет его звонков и их ожидание, не будет нежных встреч и ласковых слов. Ничего больше не будет, и меня начало тошнить. Я слышала, как Дэвид стучит в дверь и просит выслушать его, но я не отвечаю ему, и он отходит от нее. В этот момент в моей голове все перемешалось. Обида и ревность сменяются презрением к себе. Я – любовница. Я женщина, которая сознательно посягает на чужого мужа. Противно, мерзко и до ужаса больно.

Но почему раньше мне это не приходило в голову? Я никогда не считала так. Я просто любила его. Однако это не меняет сути: Дэвид муж другой женщины, и это непреложный факт. Он сам сейчас сказал, что спит со своей женой... Боже, но почему раньше мне это не приходило в голову? Я попыталась отнестись к этому, как к очевидному факту: она его жена, а он ее муж. Что в этом странного, что он спит с ней? Но меня только от одной этой мысли затошнило от ревности.

Я сидела на холодной плитке в ванной, засунув голову в унитаз, и меня буквально выворачивало наизнанку. Какая насмешка судьбы, думала я, вырасти в семье, где ценность брака была почти священна, а понятие «измена» даже не обсуждалось и стать в итоге любовницей? Это мне изменил мужчина, от которого я ждала ребенка, и это меня угораздило влюбиться в женатого мужчину. Ирония судьбы, ее насмешка? Никогда в жизни я не думала, что судьба отведет мне такую незавидную роль. А в том, что я люблю Дэвида, не было никаких сомнений. Я люблю его. Я встретила человека, без которого не могу дышать. Я проживаю глубоко и полно каждую минуту, которую мы проводим вместе, и готова на все, лишь бы наши отношения не кончились. Я хочу от него ребенка... нашего ребенка... моего ребенка.

Какой же я была наивной. Отодвинув в сторону все, что мешало мне быть счастливой с Дэвидом, я погрузилась в свою реальность, где мы были вдвоем – он и я. И вот мой мир рухнул, и я оказалась в реальности, где кроме нас существуют она – его жена, его дочери и мои ревность и совесть. Эти две дамы, похоже, готовы меня уничтожить. «Все кончено. Все кончено...» – стучало у меня в мозг. «Они плачут, чтобы добиться своего», – вспоминаю я не к месту слова, сказанные Дэвидом Джеку, и пытаюсь заглушить рыдания. Но не плакать я не могу, это сильнее меня.

Я слышала, как Дэвид говорил с кем-то по телефону. Затем он снова кому-то звонил и пытался кого-то в чем-то убедить. Звонили ему, и он в ответ спорил и сердился. Потом все стихло и наступила тишина. Сколько времени просидела в ванной, я не знала. Дэвид больше не просил меня выйти. За дверью было тихо. Я не знала, там ли Дэвид или он уже давно ушел. Лицо мое опухло, и глаза превратились в щелки. Умывшись холодной водой, сбросив

одежду и надев ночную сорочку, я открыла дверь в спальню. Дэвид сидел на кровати и, когда я вошла, поднял голову. Я старалась на него не смотреть и, обойдя его, легла, натянув одеяло на голову. Дэвид не проронил ни слова, поправил одеяло, поцеловал меня в голову, как маленького ребенка, и вышел.

Спал Дэвид всегда обнаженным. Вот и сейчас, выйдя из ванной, он лег в постель рядом со мной, и я почувствовала его тело. Он поцеловал меня в шею. Я не шелохнулась, слезы текли по моим щекам, заливая нос, рот и левое ухо. Его рука заскользила по моему бедру вверх, поднимая шелк сорочки, обвила уже обнаженную мою талию и резким, но ласковым движением придвинула меня к себе ближе, а затем крепко прижала к себе. Дэвид сжимал меня так крепко, словно хотел оставить на мне свой отпечаток. Мы так и лежали, прижатые друг к другу, как одно целое. Я чувствовала его эрекцию, но продолжала лежать тихо. Молчал и он.

Я так и не поняла: спала я в ту ночь или нет, но за окном уже стало светло и, осторожно освободившись от рук Дэвид, села, облокотившись о спинку кровати. Я вновь и вновь смотрела на него спящего. Прядь волос упала ему на глаза. Я тихонько отвела ее в сторону. Дэвид не проснулся, и я еще раз провела рукой по нежной коже у виска. Прошлым утром он не брился, на подбородке появилась однодневная темная щетина. Меня всегда удивляло, что у светлорусого Дэвида, борода отрастала темная и густая, а ресницы не были такими темными, зато они были длинные и густые. Я провела пальцем по его губам, которые были плотно сжаты, словно он что-то обдумывал. Глядя на него, я понимала, как сильно люблю его, как он нужен мне. Я из-за всех сил хотела его запомнить таким красивым и любимым. Дэвид пошевелился, и я поспешно убрала руку. Он не должен знать, что я не хочу его отпускать, что, если он уйдет от меня, я не смогу жить. Но по-старому тоже уже не может быть. У меня появились чувства, которых я всегда страшилась. Во мне что-то сломалось, нет, даже не сломалось, а просто я стала другой. Лучше? Хуже? Не знаю, но другой, словно открылись неведомые шлюзы, и все, что во мне жило и зрело, хлынуло потоком. Мне стало страшно от мысли, что я его теряю. Слезы ручьем бежали по щекам, я смахнула.

7

– Все в порядке? – спросил меня самый дорогой мне человек на всем белом свете, когда, проснувшись, вошел в кухню, где я накрывала на стол к завтраку.

Я кивнула.

Он поцеловал меня в щеку и нахмурился, внимательно посмотрев на мое заплаканное лицо, но ничего не сказал. Правда, несложно было догадаться, о чем он подумал, а затем тихо утвердительно произнес:

– Ты плакала.

– Да, я плакала, – тоскливо отвернувшись, я уставилась в окно. От одной только мысли, что Дэвид может подумать, что я своими слезами хочу шантажировать его, меня начало снова тошнить.

– Нам не нужно больше встречаться. Я сегодня улетаю домой... – выпалила я и, удивившись, что это сказала, испугалась своих слов.

– Извини, не понял, – он, кажется, удивился не меньше моего.

Я молча покачала головой, не в силах была выдавить хоть слово. Дэвид не стал настаивать на ответе и сел за стол. Я налила ему и себе в чашки кофе и села напротив него. Все как и всегда, но совсем по-другому. Внутри тебя стоит ком, а ты продолжаешь делать обычные вещи. Страшно. Я чувствовала себя обреченной и несчастной. У меня было желание броситься в ноги Дэвида, обнять их и умолять его не уходить, остаться со мной... Сердце болело, в висках стучала кровь, а я чувствовала, что в любую минуту может начаться истерика. Но я не бросилась ему в ноги, не стала умолять остаться со мной. Я оцепенела, понимая, что на меня надвигается что-то страшное и неизбежное и оно сейчас рухнет на меня. Умом я знаю, что ничего не могу сделать, не смогу этому помешать. И я просто ждала, когда это случится, и не хотела жить. Это ужасное чувство, и мне еще не раз придется его испытать. И каждый раз я мысленно буду себя спрашивать: «Почему я тогда не умерла?»

Дэвид потянулся через стол и попытался взять меня за руку, но я ее убрала. Тишина висела в воздухе осязаемыми сгустками боли, тоски и неизбежности. Она уселась с нами за стол и продолжала заполнять собой все уголки кухни. Это было ужасным ужасом и болью, и мне хотелось кричать, чтобы разорвать ее пелену, но неизбежность на то и неизбежность, что ее нельзя прогнать прочь и мы оба молчали, потому что в эту ночь каждый из нас принял решение, и оно у нас было одинаковым. Размешивая ложкой сахар, Дэвид, не поднимая от чашки головы, тихо сказал:

– Может быть, ты и права.

То, что я права, мы знали оба. Но я продолжала хранить молчание.

– Но тебе не следует сегодня улетаать. Это мне придется улетаать сегодня... Я получил сообщение, что девочки возвращаются завтра...

Он сделал паузу и с тревогой посмотрел на меня. Ему необходима была моя реакция на его слова, но я продолжала молчать. Это была ложь, и он понимал, что я знаю об этом. Дэвид пытался хоть как-то спасти положение, прибегая к ней. Сейчас обойтись без нее было трудно. И это понимали мы оба. Пришло время разобраться в наших отношениях, но ни у него и ни у меня не было сил это сделать в то утро. Да и нужно ли это вообще делать, если мы оба понимали, что так больше продолжаться не может. В таком виде наши отношения изжили себя. Помолчав несколько минут, Дэвид добавил умоляющим голосом, и по выражению его глаз я поняла, что он хотел сказать совсем другое, но так и не решился:

– Крис, я... Ты можешь оставаться здесь, как мы и планировали. Все оплачено и... – он снова замолчал, а затем поднялся, поцеловал меня в макушку и тихо добавил: – Прости, Крис,

что причинил тебе боль. Я знаю, что ты заслуживаешь большего, и я хочу... мне тоже этого мало, но пока... Прости. Я тебе позвоню.

И это тоже была ложь, которую я должна была принять как должное и неизбежное. Я почувствовала нервную дрожь, а во рту у меня пересохло. Я страшилась поднять глаза на Дэвида и умирала от желания броситься ему на шею, закричать, что я не смогу жить без него, что он должен остаться, но продолжала сидеть за столом и когда он вышел, и когда подошло такси, которое затем, забрав своего пассажира, уехало. «Все. Все...» – стучало у меня в голове.

В большом доме было так тихо, что я слышала, как, усыхая, потрескивают половицы пола и шелестят от ветра легкие шторы. Я лежала на кровати и смотрела в потолок. На меня накатило отчаяние, я кричала, выла и рыдала от бессилия, но ни один звук не вырвался из меня. Это было так мучительно: я открываю рот и кричу, но в доме стоит тишина, а мой крик так и остается во мне, он не может вырваться, его держат ужас и мука, сидящие во мне так глубоко, что не дают дышать.

Стало совсем темно, и я поняла, что день прошел. Я лежала и вместо сна пристально всматривалась в пустоту, в которую в один миг превратилась моя жизнь. В последние три года она была заполнена множеством не связанных друг с другом событий, и каждое из них могло бы направить меня в ту или иную сторону. Но только одно из них привело меня к Дэвиду. Вопреки здравому смыслу, вопреки моим желаниям наша встреча состоялась, и Дэвид стал тем смыслом, без которого я уже не могла существовать. Понимать все это было мучительно, а главное, над всем этим превалировало только одно желание – избавиться от мучительной боли внутри. Но боль не уходила, а росла, заполняя каждую клеточку, и терзала, терзала, разрывая меня на части.

Проведя ночь без сна, ранним утром я вышла из дома. Узкая прогулочная дорожка, по которой мы гуляли всего день назад, вилась вдоль скал. Перепрыгивая с камня на камень, я плакала в голос и слезы текли из самого сердца, которое чувствовало и болело при каждом ударе. Стоя на крутом берегу моря, я плакала и вспоминала, как мы отсюда любовались потрясающим видом на городскую стену, заснеженные вершины Альп и Леринские острова. Дэвид здесь держал меня в объятиях, целуя в макушку или в висок. Теперь здесь я стояла одна и плакала, глядя на оранжевый диск солнца, поднявшийся над горизонтом. Вот его лучи коснулись моего лица, и меня, словно стрелами, пронзило чувство тоски, одиночества и потери.

Как он сказал?.. Да-да. Он сказал: «Я тебе позвоню». Это была ложь, и я знала это, но только сейчас с ужасом поняла, что это значит: он больше не позвонит. Никогда! На этот раз он не позвонит. Все правильно, мы же расстались. Это конец. Да-да. Конец. Господи, он меня бросил. От этих мыслей у меня закружилась голова, и я села на камень.

Я могу сама ему позвонить, но я не позвоню. Три года мы были... были почти вместе, но не вместе. Но эти три года были для меня счастьем только потому, что я все воспринимала по-другому. Я была другой, веря, он мой. Но он совсем не мой и никогда им не был. Истина открылась мне с такой быстротой, что сбила меня с ног. Я была к ней не готова. Какой же я была до вчерашнего дня? Наивной? Конечно, нет. Скорее поглощенной в свое счастье любить его. Я позволяла ему любить меня, ничего не требуя взамен, кроме любви и маленькой частицы своей жизни. При этом не вынуждала его быть обязанным мне и мучиться угрызениями совести. Я была его маленьким праздником, радостным приключением без каких-либо обязательств, которое в любой момент можно прекратить. «Я позвоню тебе», – говорил он мне на прощание и уходил. Так заканчивались все наши встречи.

И тут я поймала себя на мысли, что Дэвид никогда не просил меня звонить ему. Ну да, конспирация. Дэвид – гений конспирации. И как бы я ни скучала по нему, никогда не делала этого. Я ждала его звонка каждый день, каждую минуту. Удобная любовница, терпеливая и нетребовательная. Да и какая я любовница? Он прав, я фантом, который появляется по его

велению, а потом исчезает на много месяцев, пока о нем не вспомнят. И сидит себе где-то там... и ждет свистка. Наверное, когда он отвечал на вопрос журналиста, попросту забыл о моем существовании. Вот и ответ на все вопросы. А в тот вечер побоялся мне об этом сказать. Ему нужно было только произнести: «Дорогая, а я ведь о тебе просто забыл. Извини». Идиотка, а я решила, что что-то значу в его жизни, вообразила черт-те что. Господи, какая я наивная, наехала на него. Чокнутая. Он меня и любовницей не считал, а так – компаньоном по путешествиям на два-три дня, чтобы избавиться от скуки.

Я заставляла себя думать о Дэвиде только в негативном ключе. Так я пыталась в светлое время суток избавиться от него. Но наступила ночь, и я молила его не бросать меня. Я закрывала глаза, слышала его голос, вдыхала его аромат, чувствовала тяжесть его тела и обнимала самого любимого и дорогого мне человека на свете.

В ту ночь, после отъезда Дэвида, лежа в кровати на вилле, я поняла, что теперь стала другой и больше не смогу быть той, которой была всего сутки назад. Это не значит, что я стала умнее. Вовсе нет. Но и той, прежней я уже не буду никогда. Не смогу. Он это понял раньше меня, сидя под дверью ванной и слыша мои горькие рыдания. Сейчас мной владеет ревность. Теперь ОН для меня не один, ОН с НЕЙ... И поэтому они теперь ОНИ, а я – это Я. И я плачу снова и снова.

Вернувшись в дом бегом, я собрала вещи и вызвала такси. Оно на удивление подъехало быстро, и через двадцать минут я уже была у касс аэропорта. С билетами проблем не оказалось. Я купила билет на ближайший рейс, но он оказался с пересадкой в Париже. Прямой рейс был вечером, но я не стала его ждать. Мне нужно было двигаться, быть постоянно в действии, в движении. Я не могла остановиться, а если это случалось, начинала задыхаться.

В ожидании своего рейса устроилась в одном из многочисленных кафе, заказала кофе и открыла ноутбук, но руки мои дрожали, и я постоянно промахивалась, когда пыталась нажать на клавиши. Отодвинув его в сторону, стала смотреть через стекло на залив Ангелов. Мне нравилось бывать в аэропорту Ниццы. Его терминал напоминает огромный стеклянный конус, фасад которого выходит прямо на море. Изнутри наслаждаешься изумительным видом на залив Ангелов и на заснеженные вершины горного массива Эстерель. И свет, свет. Он был повсюду. Но сейчас вся эта красота не радовала меня. Я была не настолько наивна, чтобы не понимать, что это начало конца. Мне было плохо, мне было очень одиноко.

8

В самолете у меня еще была надежда, что дома мне станет легче, но дом облегчения не принес. Было такое чувство, будто в груди образовалась зияющая рана, голова раскалывалась, болезненно стучало сердце, мне не хотелось жить. От одной мысли, что завтра наступит утро и оно будет без надежды увидеть Дэвида, меня скрутило от боли, и я стала метаться по квартире: побежала к холодильнику, чтобы выпить холодной воды, но меня начало тошнить, и я вернулась в комнату, включила первый концерт Чайковского, но, услышав первые аккорды рояля, зажала уши и выключила. Боль была невыносимая, всепоглощающая и несовместимая с жизнью. Чтобы жить, мне нужен был Дэвид или... или покой – и я открыла аптечку.

Я не помню, сколько времени находилась в состоянии сна или в ином состоянии, как вдруг почувствовала холод, и до моего сознания дошло, что меня безжалостно трясут и бьют по щекам. Но ни желания, ни сил у меня не было, чтобы открыть глаза и снова впустить в себя жизнь. «Все, мое время закончилось, – пронеслось в моем туманном сознании. – Я не хочу и не буду снова заводить этот чертов будильник». Но мне в руки снова и снова совали огромное и холодное нечто, которое я приняла за будильник, и из него почему-то выплескивалась холодная вода. Шлепки все продолжались и продолжались. Кто-то – с настойчивостью садиста – тряс меня и орал голосом Петра. Голос был далекий, но очень настойчивый, и мне хотелось, чтобы он замолчал и стало снова тихо.

Этим садистом был мой сосед и лучший друг Петр. Наши квартиры были в одном доме. Заподозрив, что со мной что-то не так, он стал звонить в дверь и по телефону, а когда понял, что дверь ему не откроют, он открыл ее сам – ключом, который я ему оставляла на время своих отъездов. Ввалившись в дом, он навис надо мной и заорал:

– Какого черта, Кристина? Почему ты не открыла мне дверь? Какого черта ты не зашла ко мне?

Голос показался мне охрипшим и страшно нахальным. Было противно, мокро и мерзко. Я зажала уши руками.

– Какого черта, Кристина? – вопил Петр, силой поднимая меня на ноги и отвешивая увесистые шлепки.

– Дура, не смей спать. Пей! – приказывал он свирепым голосом и тыкал мне в голову стаканом с водой. От удара об нее вода выплескивалась из стакана.

Я мотала очумелой головой и пыталась вырваться из его рук. У меня закрывались глаза, и страшно хотелось снова лечь. «Спать, спать... Мне там хорошо... Время ушло... Нет... уходи... Мне хорошо», – стучало в моей черепушке, и я снова растворялась в покое до следующего ора и крепкой встряски.

– Даже не думай, идиотка, – снова орал он, отвешивая новую порцию пощечин.

Моя голова моталась из стороны в сторону. «Она сейчас оторвется», – промелькнула у меня мысль и пропала в ее недрах. Все плыло перед глазами, и хлопала вода. И эти мерзкие шлепки были словно внутри меня.

– Не смей спать и пей. Я тебе что сказал? Пей.

Голос, гремит голос. Иерихонская труба! Он умолкает, и затем я слышу: шлеп, шлеп. Моим щекам больно. Мое сознание отмечает, что я не только слышу, но и чувствую: холод, боль... Рот заполняется водой, и уши закладывает. Шум становится тише, а затем пропадает совсем. «Он хочет меня утопить», – в моем затуманенном мозгу вскользь промелькнула еще одна мысль и тут же пропала, как и предыдущая, и я стала успешно захлебываться и тонуть в руках Петра. Уже позднее я предположила, что это привело моего друга и спасителя в чувство, и он стал меня трясти, умоляя, чтобы я пила. Я опускаюсь на илистое и мокрое дно реки, а на меня кричат дурным голосом чтобы я пила. Безумие. По зубам чем-то стучат, а вода все

льется и льется. Холодно. От тряски у меня из ушей потекла вода, и я снова стала слышать причитания Петра о том, какая я «нехорошая».

По крайней мере, теперь я, слыша бормотание Петра, сконцентрировалась на слове «пей» и стала с трудом пить. Меня стало тошнить, и он, дотащив меня до ванной, запихнул мою голову в унитаз и, поглаживая по спине, приговаривал: «Умница моя». Под его слова я стала приходить в себя, а затем холодный душ, куда он меня безжалостно запихнул прямо в одежду, завершил начатое дело. Завернув в махровый халат, Петр поил меня вкусным кофе и вытирал мои слезы, когда я навзрыд начала плакать.

9

С Петром мы учились вместе в университете, и сейчас он для меня лучший друг и лучшая подруга, брат и сестра в одном лице – и это при том, что у меня есть родная старшая сестра. Петр для меня – воплощение лучших человеческих качеств и талантов. Сколько раз он подставлял мне свою широкую грудь, чтобы я могла выплакаться, сколько раз он воодушевлял меня на действия, когда мне не хотелось жить, и я впала в анабиоз после расставания с Максом. Чем ближе мы становились, тем более странной казалась мысль о чувственной любви между нами.

У меня был настоящий друг, друг в классическом понимании этого слова, а это гораздо лучше и важнее, решила я. Мне нравилось с ним разговаривать, доверять ему свои тайны и выслушивать мужскую точку зрения. Я думаю, что и он ждал от меня той же реакции и с лихвой получал ее. Это была его идея – попробовать перенести на бумагу тоску и боль моей души, а затем начать жить заново. Я постоянно чувствовала его за своей спиной, и это спасало меня от безысходного отчаяния. Это ему я обязана своим литературным поприщем. Это он взял меня за руку и повел в жизнь образов. Он смешил меня, таскал на вечеринки своих друзей-художников, чем навлекал на себя ревность своей подружки. Вот и сегодня, увидев свет из моего окна, он вломился в дом, подозревая неладное. Я снова, как и шесть лет назад, ревела у него на груди. Он, как и тогда, гладил меня по голове и шептал, что я самая чудесная и у меня обязательно все будет хорошо. Когда я уже выдохлась от слез и просто уже стонала, подвывая на одной ноте, Петр оторвал меня от себя, протянул платок и стал пытаться меня вопросами:

– А теперь объясни мне, пожалуйста, что это было? И почему ты сейчас здесь, а не там? Я тебя сегодня не ждал, поэтому удивился, когда утром увидел свет в твоём окне. Стал звонить в дверь и по телефону, но ты не открыла, и я решил, что ты просто забыла его выключить. Но мне было тревожно, и вот я здесь. Даже страшно подумать, что могло случиться, если бы я не вошел.

– Пожалуйста, – взмолилась я, – только перестань орать, я не глухая. И не идиотка.

Обхватив свою гудящую голову обеими руками, я пыталась сосредоточиться и сформулировать свою мысль, которая где-то блуждала, но явно не в моей больной голове:

– Я не... не глухая идиотка. Вот.

С трудом улыбнувшись и радуясь, что осилила хоть одну более или менее понятную фразу, я гордилась собой. Потом я услышала тиканье часов. Они снова пошли, но радости я не испытывала. Голова гудела и кружилась. Так я неумолимо возвращалась в реальность.

– Хорошо. Согласен – ты не глухая. Но ты все же идиотка. – ласково, почти согласившись со мной, сказал Петр. Затем совсем тихо, словно самому себе, добавил. – Я страшно устал.

– Прости. В этом я виновата. – я и правда почувствовала угрызение совести.

– Да. – это все что сказал мне в ответ Петр. Он отвернулся и стал смотреть в окно.

Убедившись, что с головой у меня более или менее все в порядке, он успокоился и в этот момент подставился, а я не могла этим не воспользоваться. Восстанавливалась я, на удивление быстро. Что-то действовало вопреки моему желанию. Спротивляться у меня уже не осталось сил, и я стала плыть по течению. У меня нет воли к жизни, но я живу снова. А кто-то сейчас борется за жизнь, но она уходит.... Какая несправедливость. Мне стыдно и больше никаких эмоций. Это потом я пойму цену жизни и смерти, а тогда мне просто было стыдно и, отогнав эту неприятную мысль от себя, я спросила Петра:

– А если бы я была не одна, а с мужчиной?

– Это исключено, – резко произнес Петр. – Не нужно на меня так смотреть.

Он повысил голос, но тут же спохватился и стал говорить спокойно:

– Вернуться от Дэвида – и тут же другой мужчина? Не смейся. Только не ты.

Я подняла брови. Вот тебе и пошутила. Сама же и нарвалась. В голове был хаос, и меня снова стало тошнить. «Как мерзко», – подумала я и стала с усилием концентрироваться на словах Петра. «Только бы не отключиться, – умоляла я себя. – Слушай Петра, сосредоточься на нем». Я уставилась на друга помутневшим взглядом, пытаюсь уцепиться за его слова.

– Прощу тебя, умоляю, стукни меня еще...

– Нет. На сегодня тебе хватит, – по-деловому буднично проговорил Петр. – А завтра – с большим удовольствием. Только не забудь попросить.

Петр внимательно смотрел на меня, а затем задал вопросы, которые я так боялась услышать:

– Почему ты вернулась раньше? Он что, не прилетел?

Он спрашивал о Дэвиде, и я снова заплакала. Боль стояла у меня за плечами. Она никуда не ушла, она снова со мной. Я поняла, что это неизбежно, и почувствовала весь ужас того, как она всей своей тяжестью наваливается на меня.

Я прилетела вчера, но не стала Петру говорить об этом. Он не должен знать, что мне настолько было паршиво, что я... Мне даже страшно было сформулировать это в своей голове. Почему я вернулась раньше? Потому. Но Петр ждал ответа. Собрал все свое мужество, я стало говорить спокойно:

– Нет, все нормально, он прилетел, бросил меня и вернулся в семью. Улетел, одним словом. Ну а я вернулась домой.

Кое-как справившись со словами, я с облегчением выдохнула. Затем закрыла глаза и про себя еще раз повторила, как детскую считалку: «Прилетел, бросил, улетел». Свободна. Все правильно, так и было. Ничего не прибавить и ничего не убавить. Хотя, возможно, все с точностью наоборот: наслушавшись за дверью моих рыданий, он попросту сбежал от меня, решив, что я буду его шантажировать, потому что наши отношения стали ему в тягость. Чему я удивляюсь? Все так и было. О боже, как мне плохо.

– О-о-о! – протянул Петр и тихо добавил себе под нос: – Ну слава богу, наконец.

– Наконец? И это говорит мой лучший дру-у-уг, – завывала я. – Спасибо!

– Извини, Кристина, но, в конце концов, этому козлу давно пора было определиться, а не отбирать у тебя жизнь, – Петр был зол, и каждое его слово больно отдавалось в моей измученной голове.

– Только, пожалуйста, не нужно столько пафоса, – плаксивым голосом попросила я. – Он не отбирал у меня жизнь, а как раз давал... – я закрыла рот рукой, чтобы не завывать в голос и пару секунд сидела молча. – А теперь я ничегошеньки не хочу, и жить тоже не хочу, – слезы лились потоком.

– Я так и понял, – заорал Петр. Его, похоже, прорвало. – И ты решила... нахалка... чертова эгоистка... Ты подумала о родных, обо мне... О нем, наконец? – он вскочил, подбежал к окну, провел рукой по волосам, а затем вернулся к столу и снова сел. Теперь он стал говорить тихо. – Прощальное письмо ему написала? Идиотка. Померла бы – и он всю жизнь винил бы себя. Или нет? А может быть, ты так и хотела? Досадить ему, этому козлу? Что молчишь?

У меня гулко забилося сердце. Петр внимательно смотрел на меня:

– Ишь ты. Проняло, когда я вспомнил твоего...

– ...козла, – подсказала я.

– Именно. Спасибо, что подсказала. На родных и меня тебе наплевать, – он снова повысил голос, – а как я его упомянул, так ты даже изменилась в лице. Вся аж встрепенулась, – зло ухмыльнулся Петр.

– Никакого письма я никому не писала – это раз. Он об этом не узнал бы – это два...

– Ошибаешься. Прости, дорогая, – ехидно проговорил Петр, – но я постарался бы обеспечить его соответствующей информацией со своим комментарием. Можешь не сомневаться.

Его взгляд пронизывал меня, и я поежилась. Сейчас мне необходимо было убедить его, что просто приняла снотворное, чтобы выспаться, и ничего более, но поскольку была уставшая, то ошиблась с дозой.

– Не буду. Ты не дал мне договорить. Так вот, я просто приняла снотворное, потому что была расстроена и не могла заснуть, и ошиблась дозой – это три. Логично?

– Ух ты. Как складно врешь. За версию может и сойти, но мне тра-ля-ля не надо. Штука в том, что и логичное умозаключение может быть ошибочным. Особенно в отношении такой сложносочиненной особы, как ты, дорогая. Ты представляешь, на кого сейчас похожа?

Я пожала плечами и опустила голову. Мне было все равно, на кого я похожа. Мне бы заснуть и не просыпаться. Но я не могла подвести друга, он так старался, чтобы я жила и мучилась. Он добрый. «Вот дура, – отругала я себя. – Не смей так думать и не заставляй мучиться других».

– И все же, – упрямылась я, – у меня все в порядке, просто захотелось хорошенько выспаться. И не нужно больше ничего придумывать и додумывать. Ясно? Это ты меня чуть не утопил.

– Я? Тебя? Так значит это я во всем виноват? Нахалка. – закричал Петр. – Я тебя поил.

– Это ты называешь – поил? Я чуть не утонула. Это надо же такое: не умереть от таблеток, но при этом умудриться утонуть в стакане воды? Спасибо, что спас меня. Тебе нужно вручить медаль за спасение утопающего.

Последние слова я проговорила смеясь под хохот Петра. Мы смеялись оба и с трудом остановились.

– Мне все ясно, – ухмыльнулся Петр. – Ты видела себя в зеркале? У тебя сейчас вид человека, измученного морской болезнью. Если бы я не увидел свет в окне, то была бы ты сейчас спящей красавицей. Как там у Пушкина: «Гроб качается хрустальный на цепях между столбов. Не видать ничьих следов вокруг того пустого места; в том гробу твоя невеста», и дальше король зарыдал... – и Петр захныкал, изображая плачущего королевича.

Надо же, самонадеянный нахал, он вообразил себя королевичем и еще издевается надо мной. А я такая жалкая и несчастная, и мне нужны нежность и сочувствие друга.

– С невестой непривлекательного вида – в кавычках – все понятно, но вот кто же у нас королевич? Хотелось бы, чтобы он был привлекательным. А так сказка у нас получается не очень привлекательной. Я бы сказала даже страшной, как наша невеста.

Я попыталась пошутить, но сделала только хуже.

– Ну конечно. Королевич у нас что надо, но это не твой... этот... как его...

– ...козел, – снова подсказала я. – Пора уже запомнить.

– Правильно, козел. Молодец. Спасибо за подсказку.

У Петра потемнели глаза, став синими, как омут, и хотелось туда опуститься и забыться. Уставившись на меня, он зло проговорил:

– Он что, не понимал, в каком ты состоянии? Как можно было тебя оставить одну и уехать? Какого черта он смылся? У него что, глаз не было? Или вместо них у него только одни...

Последнее слово у него только чудом не слетело с губ. Он уже начал меня бесить. Я понимала, что это делается намеренно. Он сознательно делал мне больно, но зачем?

– Тебе обязательно об этом говорить? – с обидой, чуть не плача, проговорила я.

– Об этом? Это о чем? – Петр ехидно улыбался. – О том, что ты хотела упорхнуть из этого прекрасного мира? Умереть? Не просыпаться по утрам? Ленишься и не работать? Бросить своего друга на произвол его судьбы? Не быть ему опорой и нянькой в этом ужасно прекрасном мире? Об этом я не должен говорить?

У меня внутри все клокотало. Никогда не слышала, чтобы Петр так злился. Я была поражена.

– Да перестань ты, наконец, повторять это, – я сжала кулаки. – Господи боже мой. Я просто приняла снотворное, чтобы выспаться, и все. Все-все. Ты понял?

Петр схватил меня за руку и больно дернул. Я не ожидала, что он так разозлится. Вскочив, он стал метаться по кухне, затем остановился напротив меня, сверля взглядом своих голубых глаз.

– Как он тебя бросил? Давай рассказывай, – на этот раз его голос прозвучал так неожиданно спокойно и сочувственно, что я даже опешила.

– Ну, – я пожала плечами. – Рассказывать, в общем-то, нечего. Так получилось, что утром, за завтраком, я ему сказала, что нам лучше расстаться. Вот и все.

– Как все? – Петр оторопел. – Ты ведь сказала, что он тебя бросил?

– Именно так я и сказала, и именно так он и сделал, – поймав его непонимающий взгляд, добавила: – Я сказала, а он не возражал, а даже поддержал меня. Вот, в общем-то, и все. А затем сел в такси и уехал в аэропорт, на прощание сказав, что мне позвонит.

Я развела руками:

– Вот так он меня и бросил.

Подробнее рассказать у меня тогда просто не было сил. Снова все это переживать? «О нет! Только не сегодня», – подумала я.

– Скорее это ты его бросила, – пробормотал Петр шутливым тоном.

Он явно был сбит с толку. А я не могла ему объяснить, что во мне все теперь не так, что моя любовь к Дэвиду из любви бескорыстной превратилась в любовь эгоистичную, которая не могла больше делить его с другой женщиной. Пусть даже это была его жена. Я переродилась, я стала другой, и Дэвид это понял раньше меня. Он вообще понимал меня лучше, чем я сама себя. Его интуиция зашкаливала. А я в такой роли уже была ему не нужна. Ему не нужны сложные отношения, поскольку его настоящая жизнь там, в его семье, а для меня наши отношения стали определять мою жизнь. Именно это явилось причиной разрыва наших отношений. Вот поэтому я и сказала ему то, что сказала, вот поэтому он меня и бросил, а я не стала его просить остаться. У нас все произошло быстро и очень жестко. Но тогда всего этого я не сказала Петру. «Не сейчас», – решила я. А для Петра в тот момент у меня была другая версия. Мне было необходимо, чтобы меня жалели и утешали, а он это делал отлично, как никто другой. И потом он сам на это нарвался, спасая меня от меня самой. Поэтому я и озвучила иную версию:

– Нет. Это не так. Он не должен был слушать меня. Я просто слабая женщина и бываю импульсивной, противоречивой, наконец. А он? Он не стал меня убеждать в обратном, не стал говорить, что хочет, чтобы мы были вместе и все такое... Мог бы соврать, но даже этого не стал делать, а сел в такси и... ушел. А ведь мы могли еще два полных дня быть вместе. Он прилетел из Штатов. Представляешь, лететь через океан, чтобы через сутки бросить меня! И что мне теперь с этим делать? Может, мне стоит этим гордиться? Столько внимания оказано моей нелепой персоне: личное присутствие, перед тем как бросить. Класс.

– Ты слабая? Ты – нелепая персона? – мой друг криво усмехнулся. – Ну нет. Я с ним не знаком и могу, конечно, ошибаться, но думаю, что он тебя так не воспринимает. Разговор, скорее всего, вы вели на равных, и воспринимал он тебя как сильную личность. И ты для него не просто персона для удовольствия, а что-то большее, иначе он не стал бы с тобой так долго встречаться. И это факт. В этом твоя сила и умопомрачительное притяжение. Когда тебя больше узнаешь, то начинаешь понимать, что увяз по макушку.

Петр на секунду задумался.

– Он просто не мог подумать, что ты можешь оказаться такой капризной и вздорной...

– Нужно было с тобой проконсультроваться. – перебила я его.

– Именно. Это только я знаю, какая ты можешь быть несносная и... – Петр остановился, чтобы подобрать подходящее слово, но так и не смог и бросил это занятие. – Для него ты сильная, умная, верная и... и потом, он ведь сказал тебе, что позвонит. Думаю, что он это сделает.

При разрыве с женщиной, как утверждает Фред Бегбедер, пока три фразы не произнесены, все еще поправимо.

– Ты все врешь, но все равно спасибо. Поверь мне, я знаю, когда совершаю глупости. А это было то самое, и еще хуже.

Молчание.

– И какие три фразы придумал романтический эгоист? – найдя силы, спросила я.

Надо было выбираться из безвыходного состояния. Петр улыбнулся:

– «Я от тебя уйду», «Между нами все кончено», «Я тебя разлюбил». Фредерик еще пишет, что, пока не сказаны эти три фразы, можно сколько угодно ссориться и посылать друг друга подальше, но когда они сказаны – пиши пропало. Эти слова производят эффект разорвавшейся бомбы.

– Нашел кого слушать. Нет, – я покачала головой. – Не подходит. Наш случай другой. Мы никогда не ссорились и не посылали друг друга подальше. И он не мог мне сказать, что разлюбил меня, потому что не говорил, что полюбил меня.

Я вздохнула:

– То, что хорошо для оголтелых романтических французов, не подойдет для упертого англичанина. Ты больше слушай этого фантазера Фредерика Бегбедера. Но в том, что «разлюбить труднее, чем бросить пить», я, пожалуй, с ним соглашусь, хотя пить я еще не бросала.

До меня вдруг дошло, на что обрек меня мой друг Петр. После этого дня будет другой. А потом еще один. И мне придется найти способ справляться со всеми этими днями и неделями, наполненными болью и тоской, потому что в глубине души я понимала, что уже никогда я не позволю себе довести себя до состояния последней точки.

10

Петр вдруг стал утешать меня. Мой друг вернулся ко мне. Теперь я могу ему позволить себя утешать и уговаривать. Но я знала, что ничего изменить уже нельзя. Я не владею ситуацией. Что-то изменить может только сам Дэвид, но тогда ему придется менять всю свою жизнь, а этого он делать не будет. Это было ясно как божий день. Мне оставалось только смириться с этим.

Кто и что я такое в его жизни, чтобы из-за меня... Это как же нужно любить женщину, чтобы разрушить успешно сложившуюся, комфортную жизнь и броситься в омут нового чувства, пусть даже нового, если оно вообще есть. А ведь Дэвид ни разу мне не сказал, что любит меня. Почему? Даже если это не так, но, занимаясь любовью с женщиной на протяжении трех лет, можно... нет, нужно было ей это, если не сказать, то хотя бы соврать, но он этого не сделал. Удивительно, почему я с этим мирилась? Или была настолько уверена в нем, потому что сама любила? Или он не давал мне повода в этом сомневаться? Почему об этом я раньше не задумывалась? Возможно, мне было достаточно того, что я любила сама и моя любовь не была отвергнута? А сейчас я хочу большего, но это стало невозможно, и мне плохо. Я словно выросла в Дэвида. Его легкие стали моими, и жила я, дыша ими. А теперь у меня их нет и я задыхаюсь. Чтобы жить, мне нужен Дэвид, или я должна срочно научиться жить без него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.